

**Что именно исследуется, когда исследуется этничность?
Дескриптивная модель для конструктивистских исследований
этничности в контексте когнитивного поворота**
Статья, дискуссия, ответ автора дискуссантам

**What Exactly is Studied When Ethnicity is Researched? A Descriptive
Model for Constructivist Studies of Ethnicity in the Context of the
Cognitive Turn**
Article, Discussion, Author's Response

Евгений Александрович Варшавер
Evgeni A. Varshaver

Предисловие

В этом материале вместе собраны финальная, отредактированная версия статьи Е.А.Варшавера «Что именно исследуется, когда исследуется этничность...», предыдущая версия которой вышла в 3 номере журнала Социологическое обозрение за 2024 год, реплики дискуссантов, вышедшие там же, а также ответ автора дискуссантам, места которому в журнале не нашлось. Именно этот материал следует считать наиболее актуальным.

Ключевые слова: этничность, когнитивный поворот, конструктивизм

Foreword

This material compiles the final edition of Evgeny A. Varshaver's article "What Exactly is Studied When Ethnicity is Researched...", the previous iteration of which has been published in issue #3 of Russian Sociological Review for 2024, the comments of the discussants that followed the article in the issue, as well as the author's response to the discussants, which did not make the cut for the issue. This material should be considered the most relevant.

Keywords: ethnicity, cognitive turn, constructivism.

Оглавление

Что именно исследуется, когда исследуется этничность? Дескриптивная модель для конструктивистских исследований этничности в контексте когнитивного поворота (Е.А. Варшавер).....	5
Реплики дискуссантов о статье (Е.М. Аругюнова, А.Р. Бессуднов, О.И. Вендина, Д.В. Верховцев, М.С. Каменских).....	43
Ответ автора дискуссантам (Е.А. Варшавер)	60

Об авторах

Варшавер Евгений Александрович – кандидат социологических наук, доцент НИУ ВШЭ, руководитель Группы исследований миграции и этничности, старший научный сотрудник Центра региональных исследований и урбанистики, РАНХиГС при Президенте Российской Федерации, Москва, Россия, e-mail: varshavere@gmail.com.

Екатерина Михайловна Арутюнова – кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник, руководитель отдела этнической социологии Института социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия, e-mail: 981504@mail.ru.

Алексей Рудольфович Бессуднов – PhD, доцент факультета социальных и политических наук, Университет Эксетера, Эксетер, Великобритания, e-mail: a.bessudnov@exeter.ac.uk.

Ольга Ивановна Вендина – кандидат географических наук, ведущий научный сотрудник Лаборатории геополитических исследований Института географии РАН, Москва, Россия, e-mail: o.vendina@gmail.com.

Дмитрий Владимирович Верховцев – стажёр-исследователь Института этнологии и антропологии РАН, Москва, Россия, e-mail: DVerhovtcev@gmail.com.

Михаил Сергеевич Каменских – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института гуманитарных исследований Уральского отделения РАН, Пермь, Россия, e-mail: mkamenskih27@gmail.com.

About the authors

Evgeni Varshaver – PhD in Sociology, associate professor HSE; Head of the group for Ethnicity and Migration Research; Research Fellow, Center for Regional Research and Urban Studies in Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia, e-mail: varshavere@gmail.com

Ekaterina Arutyunova – PhD in Sociology, Lead Researcher, Head of the Department of Ethnic Sociology, Institute of Sociology, Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia. e-mail: 981504@mail.ru.

Alexey Bessudnov – PhD, Associate Professor, Department of Social and Political Science, University of Exeter, UK, e-mail: a.bessudnov@exeter.ac.uk.

Olga Vendina – PhD in Geography, Lead Researcher, Laboratory of Geopolitical Studies, Institute of Geography, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, e-mail: o.vendina@gmail.com.

Dmitry Verkhovtsev – Research Assistant, Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, e-mail: dverhovtcev@gmail.com

Mikhail Kamenskikh – PhD in History, Lead Researcher, Institute of Humanitarian Research, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, e-mail: mkamenskih27@gmail.com.

Что именно исследуется, когда исследуется этничность? Deskриптивная модель для конструктивистских исследований этничности в контексте когнитивного поворота

(Е.А. Варшавер)

Аннотация: В статье представлена дескриптивная теоретико-методологическая модель, созданная на основании современных конструктивистских подходов к исследованиям этничности. Эта модель находится в контексте когнитивного поворота, происходящего в социальных науках в целом и исследованиях этничности в частности. Модель отвечает на вопрос, что именно исследуется, когда исследуется этничность. Применительно к модели этничность определяется как особый тип дифференцирующих коллективных представлений. Ключевым элементом модели являются этнические категории и их соотношения. Эти категории связаны с разнообразными атрибутами (второй тип элементов модели). Третьим типом элементов в модели являются общие представления об этничности, характеризующие конструкцию этничности. Конструкция этничности понимается как вся совокупность категорий, атрибутов и общих представлений во взаимосвязи. Конструкция этничности и отдельные ее элементы и являются фокусом эмпирических исследований этничности. Ходы по операционализации этничности в разного рода эмпирических исследованиях, осуществленных автором, также представлены в статье. Эта статья, кумулируя современные подходы и «отстраиваясь» от других конструктивистских моделей (Р. Брубекера, К. Чандры, А. Виммера и Р. Дженкинса), таким образом, предлагает прозрачную концептуализацию этничности, а также конкретные решения для эмпирических исследований и адресуется прежде всего исследователям, которые так или иначе касаются этничности в своих исследованиях.

Ключевые слова: этничность, конструктивизм, когнитивный поворот, конструкция этничности, категории, Брубекер

Abstract: The article presents a descriptive theoretical and methodological model, developed on the basis of modern constructivist approaches to ethnicity research. The model is placed in the context of the cognitive turn in social science as a whole and specifically ethnicity research. The model attempts to give an answer to the question of what is studied when ethnicity is researched. In the model, ethnicity is defined as a special type of differentiating collective ideas. The key element of the model are the ethnic categories and their interrelations. These categories are associated with a variety of attributes (the second type of elements of the model). The third type of elements are general ideas of ethnicity, characterizing the construction of ethnicity. The construction of ethnicity constitutes the entire set of interconnected categories, attributes, and general ideas. The construction of ethnicity and its individual elements are the focus of empirical ethnicity research. The article additionally presents ways to operationalize ethnicity in various empirical studies carried out by the author. The article, thus, by means of accumulating modern approaches and “departing from” the other constructivist models (R. Brubaker, K. Chandra, A. Wimmer and R. Jenkins), offers a transparent conceptualization of ethnicity, as well as specific solutions for empirical research and is addressed primarily to researchers who in one way or another work with ethnicity in their research.

Keywords: Ethnicity, constructivism, cognitive turn, construction of ethnicity, categories, Brubaker

Введение

Исследования этничности находятся в перманентном кризисе в силу неопределенности объекта. Уйдя от наивного «группизма», исследователи области так и не пришли к определенности в отношении основного концептуального фокуса своей работы, и в качестве такового частью используются ограниченно применимые метафоры, например, «этнические границы» (Sanders, 2002; Chai, 1996; Ingelaere, Paviotti, 2023)), частью – концепты, значения которых в связи с широтой применения оказываются размыто и противоречиво, например, «идентичность» (Nagel, 1994; McDermott, Samson, 2005; Modood, 2004). В результате и эмпирические исследователи, не претендующие на понимание широкой картины, оказываются дезориентированы, потому что неясно, что именно нужно исследовать, что наблюдать и о чем спрашивать. Было осуществлено несколько важных проектов, призванных снизить степень теоретико-методологической

неопределенности (Wimmer, 2013; Chandra, 2012; Jenkins, 1994; Brubaker, 2006), однако они – каждый по своим причинам, о которых будет сказано позже – справились с задачей не полностью, отчего ситуация была только усугублена.

В этой статье будет произведена попытка решения ограниченной, однако, как представляется, ключевой в рамках построения устойчивой программы исследований задачи. Эта задача состоит в создании дескриптивной теоретико-методологической модели для исследований этничности, в рамках чего должен быть дан ответ на вопрос, что именно нужно исследовать, когда исследуется этничность. Сразу следует отметить, что эта задача лишь в небольшой степени состоит в том, чтобы дать определение этничности. Такое – рабочее – определение будет дано, однако, во-первых, будут показаны его ограничения и теоретические проблемы, с которыми оно сталкивается, во-вторых, оно должно служить лишь рамкой для последующего выделения концептов, оказывающихся в непосредственном фокусе исследований этничности, а также различных методологических ходов, позволяющих исследовать этничность эмпирически. Именно эта работа, целью которой является *концептуализация этничности для эмпирического изучения*, и является центральной для этой статьи.

В результате для начала будут эксплицированы теоретические основания созданной модели (их два основных – конструктивистские исследования этничности и когнитивный поворот в исследованиях этничности), затем будет определен теоретический объект исследований этничности в широком, социологическом смысле (какие общие явления исследуются, когда исследуется этничность), затем будет пунктирно описана история определений этничности и дано рамочное, рабочее определение, затем будет предложена дескриптивная теоретико-методологическая модель, призванная ответить на вопрос о том, какие явления оказываются в непосредственном фокусе исследования этничности, затем будет представлен ряд эмпирических решений, фокусирующихся на тех или иных элементах этой модели, в резюме же эта модель будет сопоставлена с проектами-предтечами, будут определены ее позиция среди них, ее ограничения, а также будут описаны перспективы ее, в том числе междисциплинарного, использования.

В целом, таким образом – отталкиваясь от неопределенности объектной области исследований этничности и ориентируясь на современные разработки в области социальных наук, а также на многолетний опыт авторских эмпирических исследований, эта статья призвана создать твердую основу для исследований этничности прежде всего там, где исследователи переходят от теоретических концептов к эмпирическим исследованиям. Созданная модель носит дескриптивный характер, фактически являясь расширенным описанием набора концептуальных переменных, которые вместе образуют концепт «этничность». Включение этой модели в объяснения – является задачей на будущее, которая, однако, не может быть решена без того, чтобы четко понять, что именно исследуется, когда исследуется этничность. Более того, важно отметить,

что при том, что, по всей видимости, модель описывает большинство явлений, относящихся к этничности, она носит широкий, рамочный характер и скорее намечает пути, нежели является конечным решением. С этими ограничениями можно перейти к ее описанию, начав с теоретических оснований.

Конструктивизм и когнитивный поворот в исследованиях этничности как теоретические основания модели

Описываемая модель лежит в русле конструктивистской социологии. Не пытаясь реконструировать становление конструктивистской парадигмы¹, важно, однако, проговорить основную идею, лежащую в основании конструктивистского мышления. Согласно этой идее, социальные явления – это коллективные представления, создающиеся и поддерживаемые в ходе взаимодействия между людьми. Эти представления передаются в процессе социализации и формируют реальность для индивидов. Эти представления, кроме того, существуют и проявляются в рамках институтов. Существуют разные изводы конструктивизма, а также разные, важные дополнения к нему (одним из которых является «когнитивный поворот», о котором пойдет речь ниже), однако именно это является общим его знаменателем.

В исследования этничности конструктивизм пришел в третьей четверти XX века и обычно этот приход связывается (не совсем справедливо по отношению к его предтечам в виде, например, Манчестерской школы антропологии) с работами Ф. Барта (Барт, 2006). Параллельно под влиянием конструктивизма оказываются и смежные области, и, в частности, исследования национализма (Геллнер, 1991; Hobsbawm, Ranger, 2012; Андерсон, 2001), неизбежно влиявшие и на исследования этничности. Современные ключевые авторы-конструктивисты (Wimmer, 2013; Chandra, 2012) указывают на тотальную победу конструктивизма над его воображаемыми «врагами» и на необходимость создания соревнующихся конструктивистских рамок для развития области. Впрочем, в той мере, в какой речь идет о смене парадигмы – этот процесс растянут во времени и пространстве, и, если там, где работают эти авторы, не-конструктивистов (хотя бы по самоопределению) не осталось, на научной периферии они могут продолжать существовать. Конструктивистский взгляд «прикладывается» к этничности таким образом, что этнические явления (как бы они ни определялись) это продукт постоянного «производства» в ходе коммуникации и именно фокус на «производстве» или «делании» этнических явлений является определяющей особенностью конструктивистских исследований этничности.

Важно, однако, что конструктивизм, вопреки расхожему мнению, не утверждает нестабильность этнических явлений, а только лишь указывает на их коммуникативную природу.

¹ Некоторые важные аспекты складывания и проникновения конструктивизма описаны в этих работах: (Andrews, 2012; Pfadenhauer, Knoblauch, 2018).

И хотя контексты, в которых оказываются динамичными и этнические категории, и членство в них, со времен Ф. Барта являются «визитной карточкой» конструктивизма, «ригидные», «стабильные» контексты не в меньшей мере поддаются конструктивистскому описанию – просто в них этнические явления «пересобираются» всякий раз примерно в том же виде, что были до. Не утверждает конструктивизм и обязательной «поверхности этнических идентичностей». Напротив, в его рамках выделяется инструментализм, уделяющий внимание ситуациям рационального навигирования между этническими контекстами и категориями, и примордиализм, фокусирующийся, среди прочего, на вопросе, почему, несмотря на сконструированную природу этничности, она оказывается критически важна для людей².

В рамках конструктивистских исследований этничности нет консенсуса относительно объекта исследований. Существует традиция, тянущаяся от Ф. Барта и в последние годы продолженная А. Виммером (Wimmer, 2013), в рамках которой изучаются этнические границы, в других исследованиях (например, у другого современного теоретика К. Чандры (Chandra, 2012)) во главу угла ставится идентичность, иногда, однако, как в работах Р. Дженкинса (Jenkins, 1994), предлагается фокусироваться на этничности в целом, затем детализируя, что имеется в виду. Такой же ход предпринимается в этой работе. Все упомянутые авторы, впрочем, наверняка сойдутся на том, что ведущая роль в этничности и их исследованиях принадлежит этническим категориям и процессу категоризирования. Помещение этих объектов в фокус исследования, однако, следует атрибутировать второму важному теоретическому основанию созданной модели – когнитивному повороту в исследованиях этничности.

Под когнитивным поворотом понимается рецепция ориентаций и методологий когнитивных наук в социальных науках (Ignatow, 2007; Raphael, 2017; Fuller, Mey, Shinn, Woolgar, 1989). В целом, когнитивный поворот начался после Второй мировой войны и затронул как в целом социологическую теорию, так и отдельные направления исследований, однако, как ни странно, исследований этничности этот поворот коснулся в меньшей степени. За, пожалуй, одним исключением (Т. Ван Дейк) (Van Dijk, 1984, 2009) до последнего времени не встречалось больших программ, которые выходили бы на те или иные формы междисциплинарности, а конкретные эмпирические исследования этничности, которые проводились бы социальными учеными с

² Разметка поля исследований этничности, как и многое в исследованиях этничности, является территорией большой теоретической неопределенности. В другой работе автором была предложена своя версия этой разметки, коротко описанная в этом тексте, и основная ее идея состоит в том, что конструктивизм противостоит донаучным и ненаучным представлениям об этничности, на основании которых сформировалась антропология, и смысл которых состоял в выделении по-разному называемых человеческих групп. Среди таких представлений есть и представления о врожденности этнической принадлежности, и о «извечности» этнических групп, которые можно обозначить как «примордиализм», однако сам этот термин попал в исследования этничности с работами К. Гирца, который, изучая новые африканские государства, удивлялся тому, что их жители не спешат идентифицироваться с ними, оставаясь верны племенным, «примордиальным» идентичностям, и именно вопрос об устойчивости одних и флюидности других идентификаций и является легитимным «примордиализмом» в конструктивистской парадигме. Существуют и другие такие вопросы. Детальнее об этом – (Варшавер, 2024).

заимствованием когнитивных подходов и методов – можно пересчитать по пальцам одной руки. Это еще более удивительно в связи с тем, что науки, относящиеся к когнитивным, занимаются вопросами этничности глубоко и фундаментально. Теория контакта Г. Оллпорта и последователей (Allport, Clark, Pettigrew, 1979), парадигма малых групп Г. Таджфела (Tajfel, Turner, 1979; Diehl, 1990), нейрофизиологические исследования «расовых» стимулов (Pyasik, Proverbio, Pia, 2023; Kubota, Banaji, Phelps, 2012), разработки в области face-space (Sporer, 2001; Valentine, Lewis, Hills, 2016), эволюционная психология и антропология этничности (Moya, Boyd, 2015; Cosmides, Tooby, Kurzban, 2003) и многое другое образует важнейший ресурс частью для междисциплинарного понимания этничности, частью – для обогащения программ, остающихся «на территории» социальных наук.

Обратил на это внимание Р. Брубекер (Brubaker, Loveman, Stamatov, 2004; Brubaker, 2006), одна из важнейших современных фигур в конструктивистской социологии этничности, связав это с гуманистическими ориентациями современных социальных наук и «боязнью» психологического редукционизма. Вместе с тем, отметил он, в той мере, в какой социальные науки, и, в частности, исследования этничности «разукрупняются» в том, что касается своего теоретического объекта исследований, а фокус их методологического внимания переносится на индивида и его восприятие реальности, этот поворот уже осуществляется, более того в некоторых фрагментах он и составляет ядро современного конструктивистского мышления и не отделим от конструктивизма. Основной «заповедью» когнитивного поворота, который был частью диагностирован Брубекером, частью провозглашен им в качестве важной потенциальной повестки дня в исследованиях этничности, является переход от изучения этничности как вещи в мире к изучению ее как взгляда на мир или, иначе говоря, тем способам восприятия и интерпретации информации, которые, будучи преобразованы в действие, и создают этнические феномены. Важнейшим теоретическим последствием этой идеи для конструктивистских исследований, стал отказ от этнических групп в качестве объекта исследования. С точки зрения когнитивного поворота, группы оказываются являются не элементом внешней реальности, а когнитивным инструментом воображения различий и в таком качестве и должны изучаться.

Именно радикальный антигруппизм как элемент когнитивного поворота и одновременно как строительный блок современных конструктивистских исследований этничности – стал «брендом», связанным с именем Брубекера. Что же конкретно – если не группы – должно оказаться в фокусе когнитивизированных исследований этничности? «Процессы классифицирования и категоризирования – формального и неформального <...>; <...> категории и фреймы, вокруг которых организовано социальное сопоставление и социальное объяснение; схемы, скрипты и культурные модели, которые позволяют воспринимать, испытывать или интерпретировать ситуации и последовательности действий <...>; когнитивные смещения в восприятии и

переработке информации, которые заставляют нас воспринимать информацию селективно <...>» (Brubaker, Loveman, Stamatov, 2004: 48–49). Согласно Брубекеру, когнитивный поворот может и должен быть эксплицирован, а взаимодействие между социальными науками и когнитивистикой, следует интенсифицировать, потому что современный конструктивизм это уже в некоторый степени когнитивистика, но – не имеющая доступа к ее методологиям и результатам.

Когнитивному повороту описываемая в этой статье теоретико-методологическая модель обязана многому и, прежде всего, следующими вещами: (1) антигруппистской онтологией и фокусировкой на категориях как на основном операторе восприятия и интерпретации реальности, (2) анти-элитарностью и фокусом на способах восприятия и интерпретации реальности «простыми» людьми, (3) методологическими ходами, более свойственными для когнитивных наук (в частности, элицитация, ориентация на категории и процесс категоризирования) и другим. Она, однако, является лишь одним из элементов когнитивного поворота, работу по теоретическому, методологическому и эмпирическому осуществлению которого следует продолжать.

Следует, кроме того, отметить, что модель – эксплицитно или имплицитно – базируется и на других концепциях и идеях из социальных наук и исследований этничности. Например, в той мере, в какой, согласно конструктивизму, этничность «происходит» в коммуникации, а коммуникация зачастую носит вербальный характер, модель находится в контексте лингвистического поворота в социальных науках (Searle, 1979; Surkis, 2012; Sacks, Schegloff, Jefferson, 1978), и, в частности, ориентируется на методы текстового анализа, разработанные в его рамках (Hutchby, Wooffitt, 2008; Gee, 2014; Tannen, Heidi, Schiffrin, 2015). В той мере, кроме того, в какой этничность – это элемент «социальной ткани», эмпирически едва ли отделяемый от прочих явлений, а конструирование этничности происходит в том числе за счет разного типа материальных объектов (в том числе играющих роль символов), контекстуальным основанием модели является акторно-сетевая теория и «поворот к вещам» (Latour, 2007; Вахштайн, 2015). Методологически же модель ориентируется на идеи насыщенного описания К. Гирца (Гирц, 2004), а также обоснованной теории А. Стросса (Glaser, Strauss, 2017). Можно также перечислить ряд концептов из исследований этничности, к которым относится «воображение» Б. Андерсона (Андерсон, 2001), «мифосимволические комплексы» Э. Смита (Smith, 2009) и проч., в контексте которых создавалась модель, вряд ли, однако, возможно отследить все значимые влияния и основания и можно двинуться дальше – в сторону описания модели.

Что исследуется, когда исследуется этничность: определение объекта

Для того, чтобы перейти к непосредственному и детальному описанию модели, однако, надо разрешить еще два рамочных вопроса. Во-первых, какого рода явления исследуются, когда исследуется этничность и в какой форме этничность существует, во-вторых – что такое этничность

и как выделять ее среди прочих явлений. Начнем с того, что в конструктивистских социологических исследованиях редко рефлексировается объект исследования в широком смысле. Как будто бы речь идет о социальных конструктах, однако, несмотря на парадигмальность конструктивизма, удивительно мало было произведено попыток уточнения этого понятия и, кажется, термин этот используется в большей степени для указания на социальную природу явлений, которые на первый взгляд кажутся естественными, нежели в качестве инструкции для эмпирического исследования.

Есть, однако, и другие концепты, претендующие на роль такого – зонтичного – термина. В частности, это «социальные факты» Э. Дюркгейма (Дюркгейм, 2019), находящиеся в нечетко определенном соотношении с его же термином – «коллективные представления». Последний термин затем заимствуется в виде «социальных представлений» французским социальным психологом и социологом С. Московичи (Moscovici, 1981; Moscovici, 2001), предпринявшим в 1980-х важную попытку когнитивизации социологических исследований. Анализ этого и других концептов, а также их применений в конкретных исследованиях, однако, указывает на то, что при несколько различающейся семантике и теоретическом контексте – в качестве общего объекта, частным случаем которого является этничность, могут быть с одинаковым успехом взяты конструкты, факты или представления. В рамках модели решено использовать классический термин – «коллективные представления», из которых затем выделяются представления особого толка, связанные с этничностью.

Коллективные представления – это факты внешней по отношению к каждому человеку социальной, intersubъективной реальности, которые интериоризируются каждым отдельным человеком в ходе социализации. Более того (и это важный ход в рамках теоретической повестки по интеграции конструктивизма и когнитивного поворота) эти представления на следующем шаге становятся лекалом, организующим восприятие других фактов реальности и ее интерпретаций, и функционируют в качестве когнитивных схем. Представления и схемы в теоретическом смысле не тождественны друг другу, существуют схемы, которые не выражены в качестве представлений, и наоборот, представления, которые не используются для интерпретации реальности. Вопрос их соотношения важен и, несмотря на попытки (Augoustinos, Innes, 1990), пока не решен, однако – рамочно – можно говорить о том, что эмпирически коллективные представления и схемы накладываются и, изучение коллективных представлений неизбежно влечет за собой изучение и когнитивных схем – в том «месте», в каком представления «сталкиваются» с реальностью.

Итак, в рамках создаваемой модели, в общем виде, исследования этничности фокусируются на коллективных представлениях и на том, как они организуют восприятие окружающей действительности. Теперь нужно очертить поле исследований этничности. Это также непростая задача. Исследования этничности в широком смысле пережили три «дефинаторных эпохи» –

периода, когда главенствовало то или иное определение этничности. Периоды эти накладываются по времени, но в целом соотносятся хронологически. На первом этапе – в той мере, в какой объектом исследования были по-разному называемые этнические группы – именно их определение, в рамках которого обычно выделялись признаки, объединяющие ее участников (культура, территория, хозяйство, самоопределение и проч.) и было определением этничности (Hutchinson, Smith, 2008; Charsley, 1974). На следующем этапе – под влиянием Ф. Барта и идеи этнической границы – определения этничности стали фокусироваться не на группах, а на взаимодействиях, в ходе которых происходит дифференцирование (Тишков, б. д.) и, в частности, А. Коэн (не очень удачно, но характерно для направления) определяет этничность как «вражду между этническими группами, в ходе которой люди подчеркивают свою идентичность и исключительность» (Cohen, 2013). Ни первый, ни второй тип определений, однако, не решил «проблемы признаков» – какие характеристики являются указанием на именно этническую сущность групп (первая «эпоха») или границ (вторая «эпоха»)? Люди могут говорить на одном языке, но не вести совместного хозяйства или определять себя сходным образом, но при этом не говорить на одном языке. В ответ на эту проблему стали появляться так называемые «минималистические определения», ознаменовавшие третью «дефинаторную эпоху» и утверждавшие, что этнические дифференциации отличает от всех остальных то, что – в общем случае – речь идет о т.н. десцентном классификаторном правиле, в рамках которого членство в этнической категории наследуется от родителей (Fearon, 2000; Chandra, 2014). Такое определение также небеспроблемно: в частности, оно не позволяет всерьез отделить этнические явления от классовых дифференциаций, с одной стороны, и родовых/семейных, с другой. Теоретически эта проблема могла бы быть решена посредством идеи вернакулярной эссенциализации, разрабатываемой в когнитивной психологии и антропологии этничности (Gil-White, 2001; Gelman, 2003): согласно этому решению, те категории являются этническими, в отношении которых у людей «включается» эссенциалистское, холистское мышление. Однако когнитивные науки постепенно от идеи эссенциализации уходят (Моуа, Boyd, 2015), а значит и ход этот едва ли может быть эффективно использован. В целом, если давать формальное определение, которое лаконично аккумулирует продвижения в этой области, получится, что *этничность – это социальная организация различий, осуществляемых вокруг категорий, членство в которых преимущественно наследуется*, однако нужно понимать, что, по всей видимости, четкое выделение этнических феноменов из всех остальных является на данном этапе нерешаемой задачей. Можно, однако, не пытаясь отделить этнические явления от неэтнических, сущностно и коротко описать, чем занимаются когнитивизированные конструктивистские исследования этничности. Они занимаются социальными категоризациями, осуществляемыми «сверху» и «снизу», коллективными представлениями, складывающимися на основе и в связи с этими

категоризациями, а также тем, как эти представления и категоризации организуют поведение отдельных людей и – шире – социальную реальность. Или, еще короче, когда речь идет об этничности – речь идет о совокупности дифференцирующих представлений, организующих социальные взаимодействия. Однако о каких именно представлениях идет речь? Какие в рамках этих представлений выделяются элементы, как они организованы? И на что именно – вне зависимости от конкретной теоретической логики (которая в разных исследованиях может различаться), метода или типа собранной информации – следует обращать внимание в эмпирических исследованиях этничности? На эти вопросы отвечает модель, к описанию которой пришло время перейти.

Конструкция этничности и ее компоненты

Итак, этничность – это тип дифференцирующих коллективных представлений. Эти представления организованы вокруг категорий, и именно категории находятся в концептуальном ядре модели (модель в виде схемы изображена на Рисунке 1). Категории в рамках этих представлений, однако, существуют в связи друг с другом, находясь в том или ином соотношении. Таким соотношением может быть категоризация, то есть слабоструктурированный набор непрочно связанных друг с другом категорий, классификация – структурированный неиерархический набор категорий, или таксономия – структурированный набор категорий, в рамках которых одни категории «входят» в другие. Зачастую вернакулярные представления существуют в виде категоризаций, а формализованные – в виде классификаций (типичный пример – список «народов» в переписи), при этом как первые, так и вторые представления могут быть таксономизированы (вернакулярная категория прибалты, в которую «входят» латыши, литовцы или эстонцы, или казаки и поморы как подкатегории русских в процедурах российской переписи). Категории могут быть организованы относительно друг друга и сущностно иным образом – кластерно или сетевое. Основой для кластеров могут быть вернакулярные представления о культурных сходствах или «историческом родстве», а также дискурсивный контекст (категории часто упоминаются в контексте друг друга), сети же могут описывать «межэтнические отношения»: альянсы, вражду и проч. Еще одним типом соотношения между категориями может быть иерархия – представление о том, что по тем или иным критериям одни категории выше других. Фактические способы организации этнических категорий, впрочем, являются эмпирическим, мало исследованным, но при этом ключевым для исследований этничности вопросом.

С каждой категорией могут быть связаны атрибуты нескольких типов. Во-первых, это характеристики – обобщенные, стереотипизированные качества представителей категории (например, чеченцы сильные, у них боевитые мужчины). Во-вторых, это индикаторы – признаки,

по которым представители категории могут быть определены или выявлены (чеченцы носят бороды, у них характерный акцент в русском языке, в свидетельстве о рождении у них написано, что они чеченцы). Соотношение характеристик и индикаторов – отдельный теоретический вопрос: возможно, индикаторы – это подтип характеристик, а возможно – атрибуты, функционирующие в большей степени в спонтанном режиме, отчего они являются скорее элементом соответствующей когнитивной схемы, а не социологического дискурса. В рамках модели, однако, важно, что индикаторы – это то, что связывается с конкретными категориями и позволяет осуществлять дифференцирование. В-третьих, это нормы – представления о правильном поведении «в связи» с категорией. Это могут быть как представления о том, как безопасно себя вести с представителями категории (не заигрывать с чеченкой) или как вести себя, будучи представителем категории (хороший чеченец должен быть готов дать отпор кому угодно). В сущности, категории с их такими атрибутами уже способны организовывать и фактически организуют социальные взаимодействия. В связи с этим, назовем эти атрибуты атрибутами первого порядка.

Но представления, за счет которых «сшивается» социальная реальность, устроены тоньше, и – в атрибуты второго порядка – помещены некоторые явления из большого их разнообразия, которые также могут связываться в коллективных представлениях с этническими категориями. Это могут быть места и территории (Чечня в России, «чеченский» Ауховский район в Дагестане, ТРЦ «Европейский» и «чеченские» кафе в Москве), это могут быть литературные произведения и фольклор («Валерик» Лермонтова, казачья песня «На горе стоял Шамиль») или еще менее формализованные нарративизированные представления (один сосед рассказывает другому, что видел вчера двух чеченцев с арматурой), это могут быть занятия (чеченцы – спортсмены или бандиты), это могут быть конкретные люди (Рамзан Кадыров) и проч. Атрибуты второго порядка являются открытым списком и в него входит все то, что фактически связывается с категориями. Важно, что эта сетка – категории и их атрибуты – это, во-первых, интерфейс и мембрана, организующие конкретные социальные взаимодействия, во-вторых, она и ее элементы связываются с другими представлениями, не являющиеся этническими, и все эти представления и определяют поведение человека.

Существует, однако, и еще один тип представлений. Эти представления – общие и относятся ко всей совокупности категорий и атрибутов или некоторой существенной ее части, являясь «ключом» для их восприятия и понимания. Такие представления бывают двух больших, связанных друг с другом, типов: народные социологии этничности и метакатегории-ключи. Народная социология этничности включает в себя представления, касающиеся природы этнической принадлежности, правил членства в категориях, детерминированности поведения этнической категорией и проч. Метакатегории-ключи – это общие наименования для различных этнических категорий – например, расы, нации племена или этнические группы. Зачастую

метакатегории-ключи подразумевают определенную народную социологию этничности (например, нация или племя могут восприниматься как категории более формальные в части процедуры «входа» в сравнении, например, с расой или этнической группой), однако, в целом, соотношение между разными типами общих представлений также является неразрешенным пока теоретическим вопросом, равно как и «список» этих типов является открытым для дополнения.

Все три типа коллективных представлений – категории, атрибуты и общие представления, связанные друг с другом – образуют конструкцию этничности. Конструкция этничности – это и теоретический концепт, объединяющий разные типы представлений в связанное концептуальное множество, и термин, обозначающий всю совокупность коллективных представлений об этничности, которые существуют в определенном контексте. Тем самым именно конструкция этничности (а не этнические группы или этнические границы) оказывается способом бытования этнических явлений и одновременно объектом описания – целиком или на предмет отдельных его элементов (категорий, атрибутов, общих представлений). В реальности, однако, речь идет не о единой конструкции этничности, а о распределении конструкций этничности по людям, территориям, социальным кругам и временным периодам, и эмпирическое описание конструкции этничности – это описание вариативности (и соотношения) коллективных представлений в выделяемом в исследовательских целях контексте. Этот контекст, в свою очередь, может быть сколь угодно узким (один человек в определенный момент жизни) или широким (все человечество на протяжении последних нескольких тысячелетий). Но как именно конструкция этничности распределяется по людям и какие это имеет последствия? Об этом будет сказано в последнем – перед переходом к операционализациям и эмпирическим дизайнам – фрагменте.

Рисунок 1. Теоретическая модель

Конструкция этничности



Интерииоризация, категория идентификации, вариативность и релевантность

Итак, конструкция этничности – это коллективные представления, изначально внешние по отношению к человеку, однако, как следует из общей конструктивистской социологической теории, в ходе социализации человеком интерииоризируемые, в результате чего эти представления становятся объектом веры и практики, а также основанием для действия. Интерииоризирует человек не только представление о том, кто он (как это базово следует из широко распространенной идентичности), но социальную реальность, а точнее ее локальные и контекстуальные вариации, во всей полноте социальных категорий и их атрибутов. Его личная позиция в этой реальности, однако, не является произвольной и задается такими элементами конструкции этничности как индикаторы и правила членства в этнических категориях. Категория, с помощью которой оказывается определяем (собой и другими людьми) человек в случае интерииоризации конструкции этничности, называется категорией идентификации. Если попытаться описать вариативность «индивидуальных версий» конструкций этничности, выяснится, что в существенной мере она объясняется именно категорией идентификации. Так, определяемые в конструкции этничности посредством некоторой категории люди, скорее всего, атрибутируют этой категории позитивные качества, и это отличает их от остальных людей, более «вариативных» в этом отношении³. Более того, различаться исходя из этого будет и набор категорий, посредством которых описываются люди, и соотношения между ними. Так, для людей, отнесенных к некоторой категории, эта категория зачастую оказывается более «дробной», таксономически включающей другие категории, равно как различаться у людей с разными категориями идентификации будут и представления о сходстве, близости, дружбе и вражде между разными категориями. Проще говоря, категория идентификации существенным образом задает взгляд на этничность и определяет то, в каком виде конструкция этничности предстает на индивидуальном уровне.

Но, как уже говорилось, помимо того, что конструкция этничности различается на индивидуальном уровне, различается она и между пространственными и социальными контекстами. Различаться могут и категории, и атрибуты, и общие представления. Следствием этого являются ситуации, в рамках которых человек имеет в доступе две и более конструкции этничности⁴. Это может создавать определенную когнитивную дистанцию между человеком и каждой из конструкций, что, в свою очередь, имеет два важных последствия. Во-первых,

³ Эти вопросы освещаются в психологической теории социальной идентичности (Tajfel, Turner, 1979; Hogg, 2016)

⁴ За счет этого иначе разрешается классическая для исследований этничности проблема «ситуативности» этничности. Не этничность или идентичность ситуативны, как об этом иногда пишут (Okamura, 1981; Пыжова, 2012), а различаются между собой конструкции этничности в разных территориальных и социальных контекстах. Эти конструкции этничности интерииоризируют индивиды, за счет чего оказываются «приписаны» к различным категориям, однако интерииоризируют они именно что всю конструкцию этничности целиком, а не только категорию идентификации.

появляется пространство для ситуационного рационального навигирования между конструкциями этничности, то есть фактически выбора элементов конструкции этничности (например, категорий идентификации) из некоторого разнообразия. На этом фокусируются инструментальные теории этничности. Во-вторых, создается теоретическая возможность для иррелевантизации всех вариантов конструкции этничности вместе взятых: когда интерпретации мира противоречат одна другой, легче разувериться в такой модальности описания мира в целом. В таком ключе описанная связь между конструкцией этничности и индивидуальными представлениями, в которой принимается во внимание вариативность конструкций этничности (связанная в том числе с категорией идентификации, но также пространственная и контекстная) а также эффекты индивидуального доступа к разным конструкциям этничности, создает пространство для дальнейшей теоретической работы, целью которой могут быть создание уже не дескриптивных, а аналитических моделей, в частности, объясняющих изменение конструкции этничности, а также степени ее (или ее элементов) релевантности для индивидов и проч. Другим направлением усложнения и уточнения этой модели является включение в нее институтов – в качестве «носителей» конструкции этничности и дифференцирующих акторов.

Важно, кроме того, отметить, что конструкция этничности – это не единственный набор коллективных представлений, в которых и которыми живут люди, и – хотя в рамках этой статьи, конструкция этничности выделяется аналитически, в фактических представлениях людей элементы конструкции этничности плотно спаяны с прочими явлениями. Это необходимо учитывать как для дальнейшего теоретизирования, так и при разработке эмпирических дизайнов, переход к которым от теоретической модели будет осуществлен в следующем фрагменте.

Эмпирические дизайны и ходы

Описанная выше модель носит принципиально синтетический характер – не будучи операционализацией конкретной теории (но будучи воплощением определенного теоретического ракурса), она призвана ответить на вопрос, что именно – в теоретическом смысле – базово исследуется, когда исследуется этничность. И ответ на этот вопрос такой: исследуются дифференцирующие коллективные представления. Эти представления детализированы в виде схемы и контекстуализированы соображениями об их соотношении с индивидами и другими социальными явлениями. Важность этой схемы, среди прочего, однако состоит в том, что она является прямым выходом на операционализацию в рамках эмпирических исследований. Фактически она представляет собой набор концептов, которые можно исследовать «в поле». И ниже будет представлен ряд ходов и решений, когда-то примененных автором статьи и являющихся примерами полевых исследований этничности, осуществленных в контексте приведенной модели. Эти примеры не являются полностью рядоположенными друг другу, более

того, некоторые из них важны, будучи операционализацией большей части модели, некоторые – позволяют подсветить отдельные ее элементы. Более того, этими примерами возможности эмпирического исследования, разумеется, не исчерпываются (выход на программу потенциальных эмпирических исследований описан в последнем разделе статьи). Однако они позволяют составить представление, как и за счет каких конкретных инструментов, методов и дизайнов этничность – по этой модели – может быть изучена/описана в рамках полевого исследования.

Конструкции этничности: от интервью к общему описанию

Если говорить о конкретных методах исследования этничности в рамках описываемой модели, начать этот разговор можно с интервью. В по-разному организованном в зависимости от конкретного типа интервью разговоре информант постепенно эксплицирует свой жизненный мир и – вместе с ним – и конструкцию этничности. Далее только нужно аккуратно, на основании одной из подходящих техник анализа (дискурс-анализ, конверсационный анализ и проч.), проанализировать интервью, и, отталкиваясь от компонент модели, выявить сеть категорий и атрибутов, а также общие представления. Вот выдержки из двух интервью, взятых в 2016 году в одном из сел на берегу озера Севан в Армении в ходе исследования связи между конструкцией этничности в селах и миграционными стратегиями селян⁵.

Информант-«армянин»: Джордж Браун сказал, что армянский язык предназначен для того, чтобы говорить с Богом. Потому что он в себе имеет те буквы, которые имеют человеческий язык.

Интервьюер: То есть, армянский – это человеческий, на самом деле?

Информант-«армянин»: Да. В нем есть все буквы, которые может человек произнести. Например, по-английски, если ты хочешь сказать «Ш», то пишешь «С», потом «Х». А у армян нет такого. Все буквы есть. Наш алфавит написан в 405 году.

<...>

Интервьюер: А еще я знаю, что есть езди [езиды]. Мне никто не может объяснить разницу между курдами и езди.

Информант-«езид»: Они, знаешь, у них просто фамилии армянские. В этом и разница. А так – курды, езди – один язык. Разницы нету никакой. Просто они чуть-чуть поменяли фамилии. Никакой разницы нет.

Интервьюер: А еще я слышал, что они немножко другой религии как бы.

⁵ Некоторые результаты этого исследования были освещены в следующей публикации: (Варшавер, 2022b).

Информант-«езид»: А это я не знаю. Это мне не... Я такого ничего не знаю. Моя семья хорошо живет, все остальное мне не важно.

Анализ интервью состоит в «дистиллировании» из текста конструкции этничности. И, согласно такому анализу, в первой выдержке категории «армянин» оказывается атрибутирован «язык» (атрибут второго порядка), за счет чего категории «армянин» оказываются также атрибутированы «древность» и «культура» в качестве характеристик (атрибуты первого порядка). Во второй – описывается разница между категориями «езиды» и «курды» (соотношение категорий), а также описывается совокупность индикаторов (язык, фамилии), которые указывают на принадлежность к этим категориям. Важно, что именно так и выглядит «сырой материал» для анализа, на основании которого затем и эксплицируется конструкция этничности, и в таком ключе и происходит анализ. Для того, чтобы конструкция, «разделенная» участниками контекста, была эксплицирована в полноте, кроме того, необходимо набрать достаточный массив интервью с вниманием к процедуре отбора информантов. И интервью, выдержки из которых приведены выше, находятся в ряду еще 26 интервью, взятых в этом же селе. В тот момент, когда, в соответствии с процедурами создания обоснованной теории, во-первых, категории и их атрибуты начинают повторяться, а, во-вторых, исчерпываются все теоретические возможности увеличения вариативности (Thomson, 2010; Glaser, Strauss, 2017b) – информанты различаются по гендеру, месту рождения, этнической категории идентификации и другим характеристикам, предположительно обеспечивающим вариативность – появляется возможность для создания обобщенного описания конструкции этничности. Вот такое описание было сделано применительно к этому селу:

Жители села категоризируют друг друга на основании категорий «армяне» и «курды»; «армяне», кроме того, категоризируют друг друга в качестве «ховецы», «сыгецы» и «ванецы» на основании мест происхождения предков в Турции (село основали в 1920-х переселенцы). С этими категориями связаны различные стереотипизированные характеристики. Так, категории «ванецы» атрибутируется «жадность», которая раскрывается в различных анекдотах⁶. С категорией «курды» в кругах «армян», связываются две основные характеристики: (1) их женщины распутные и (2) они, хотя вроде бы исповедуют свою религию, фактически являются криптомусульманами (обосновывается такое мнение тем, что в их домах видели плакаты с мекканской мечетью). Из этого выводится норма «не общаться» с ними. «Курды» говорят об

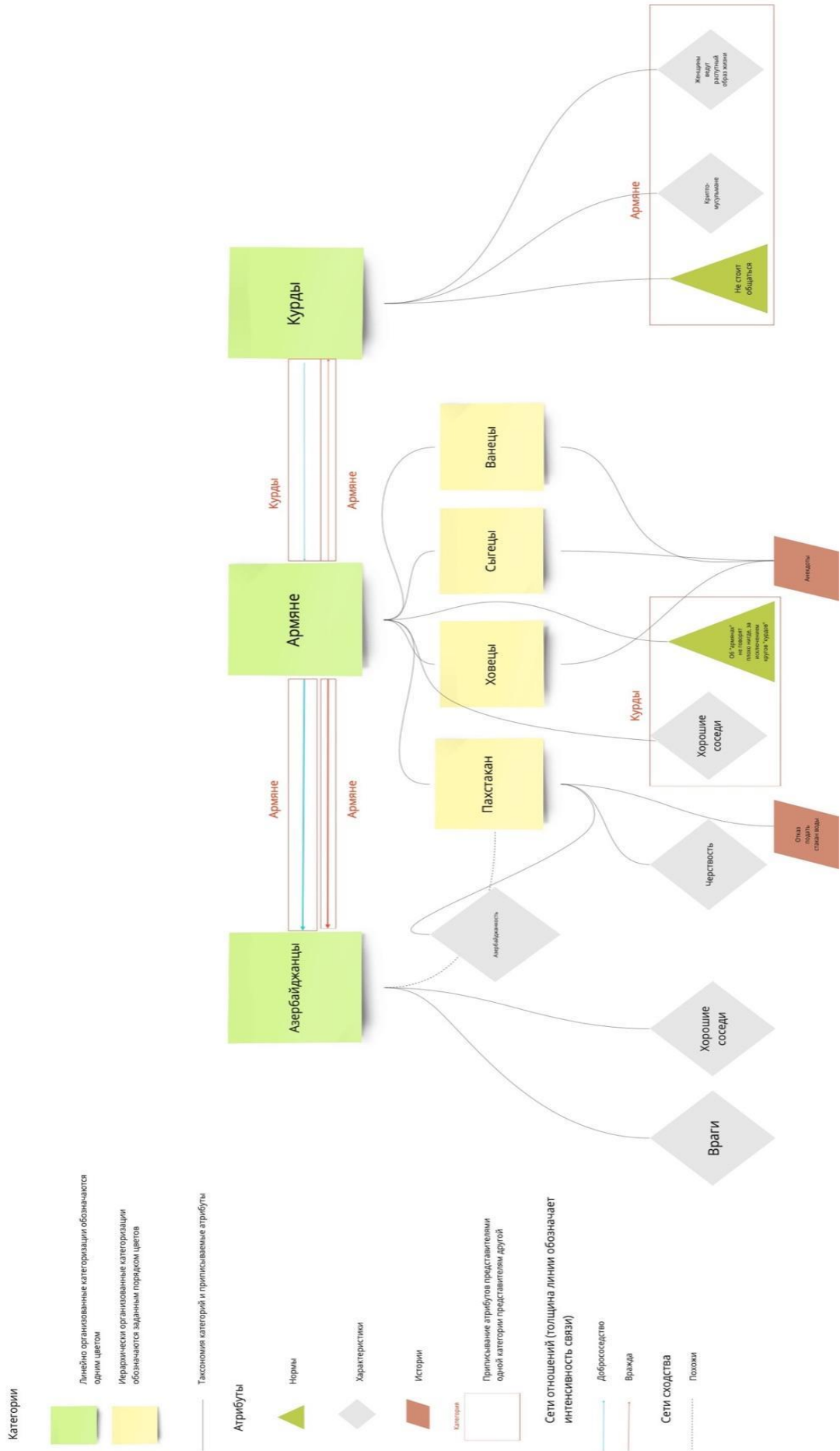
⁶ Идут два «ванецы» с женами. Видят друг друга. Один другому: «Барев!» (Привет, арм.). Другой отвечает: «Хазар барев!» (Тысяча приветов, арм.). Жена отводит второго в сторону и говорит: «Какая тысяча – максимум сто!»

армянах как о «хороших соседях», однако здесь можно предположить наличие нормы «не говорить плохо о категории «армяне» не-курдам»⁷. В интервью с «армянами», кроме того, фигурирует категория «азербайджанец». Последние существуют в двух качествах – как «хорошие соседи» (до войны армянские села в районе соседствовали с азербайджанскими) и как «враги». Два этих атрибута (и связанные с ними характеристики и нормативность) в единый нарратив не связываются. «Азербайджанскость» как качество, кроме того, приписывается армянским беженцам из Азербайджана (категория «пахстакан», в переводе с армянского языка – беженец), заменившим азербайджанцев в покинутых селах и означает «черствость», которая раскрывается в воспроизводящейся истории про то, как рассказчик или его знакомый постучал в дом к «пахстакан» и попросил стакан воды, но встретил отказ. Активность приписывания атрибута «враг» азербайджанцам информантами различается и эти различия можно связать в том числе с тем, насколько говорящий вовлечен в миграцию в Россию, где эта связка слабее в результате регулярных взаимодействий между представителями категорий «армянин» и «азербайджанец».

Это описание, как говорилось, в общем виде представляет собой перечисление категорий в связке с атрибутами, комментарии относительно распределения соответствующей «картины мира» по людям, выявление общего и различного, а также соображения относительно того, как структурированы различия (в данном случае – по категории идентификации и по включенности в миграцию в Россию). Такое описание, кроме того, может быть визуализировано в рамках схемы, представленной на Рисунке 2. До того такие схемы «отрисовываются» для каждого информанта в отдельности, сопоставляются с другими схемами, в результате чего и получается обобщенная схема. Важно, однако, что она едва ли дает возможность описать все разнообразие ракурсов и скорее используется как инструмент для создания вербального описания, а также как иллюстрация к нему, а не как отчуждаемый результат анализа.

⁷ Представления информантов с категорией идентификации «армяне», были исследованы в ходе полевой работы детальнее, информанты чувствовали себя свободно и (помимо атрибутов категории «русские», с которой ассоциировались исследователи) конструкция этничности была эксплицирована без существенных смещений. Нежелание же информанта из второй выдержки комментировать представления армян о криптоисламскости, с одной стороны, указывает на недоверие интервьюеру, с другой – на некоторые характеристики конструкции этничности, не позволяющие «курдам» говорить свободно об «армянах» и прочих категориях. Такие наблюдения также являются результатом.

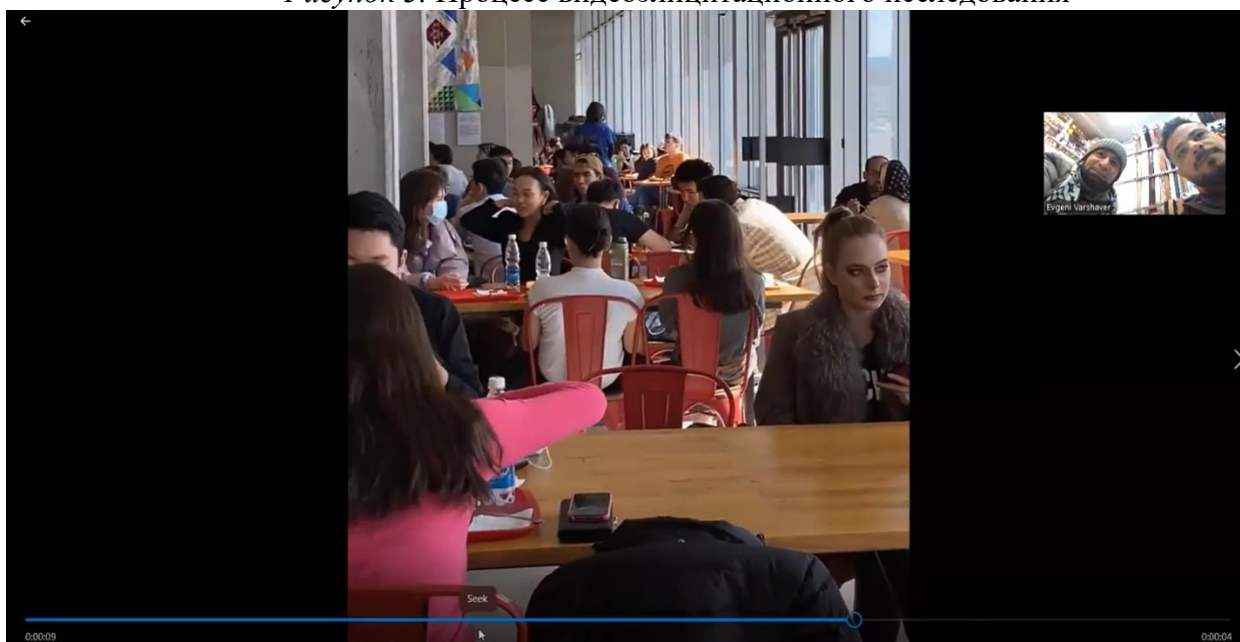
Рисунок 2. Схематическая визуализация конструкции этничности для исследованного села в Гегаркуникской области Армении



Изучение спонтанных категоризаций методом элицитационного интервью

Но является ли то, как говорят люди об этничности, действительной экспликацией их интериоризированной конструкции этничности и не стоит ли разделить дискурс об этничности и реальное спонтанное дифференцирующее восприятие? Этот вопрос стал отправной точкой для другого исследования, которое было проведено в Бишкеке, Кыргызстан⁸. В этом исследовании использовался метод видеоэлицитационных интервью, сам по себе распространенный мало (в большей степени используется его предтеча – фотоэлицитация (Gold, 1991; Roth, 2015), в сравнении с которой у видео-версии есть существенные плюсы) и, насколько известно, ни разу не использовавшийся для исследований этничности. В рамках этого метода информантам демонстрировались видеозаписи, снятые в разных локациях соответствующих городов, и информантов просили сказать, «к каким этническим группам» принадлежат люди на видео. Взаимодействие фиксировалось на видео и затем – осуществлялся анализ. На Рисунке 3 приведен скриншот записи (в середине кадра – фрагмент видео-стимула, справа в небольшом квадратике – интервьюер и интервьюируемый), затем – соответствующий фрагмент разговора:

Рисунок 3. Процесс видеоэлицитационного исследования



Информант: Эта девочка русская, свой стиль ориентирует на Кавказ, но не получается. Ну а эта кыргызская девушка, казахов и кыргызов сложно отличить.

Интервьюер: Ага. Кстати, а какие критерии?

⁸ В ходе подготовки статьи исследование по сходной методологии было проведено в Москве, его результаты описаны в следующей публикации: (Варшавер., Гупалова, Орлова, 2024).

Информант: Да. У них лицо чуть другое. На лицо можно определить, по фигуре можно определить.

Интервьюер: А вот эта девочка?

Информант: Тоже местная.

Интервьюер: А вот этот парень, который ест.

Информант: Вот он тоже метис с Китаем, уйгур вроде...

Информант: В смысле, может быть уйгур? Или киргиз, китаец или уйгур это и есть киргизы, китайцы или как?

Информант: Нет. Уйгуры это другое, они ближе к Китаю. Потому что глаза у него китайские. А у уйгуров глаза небольшие.

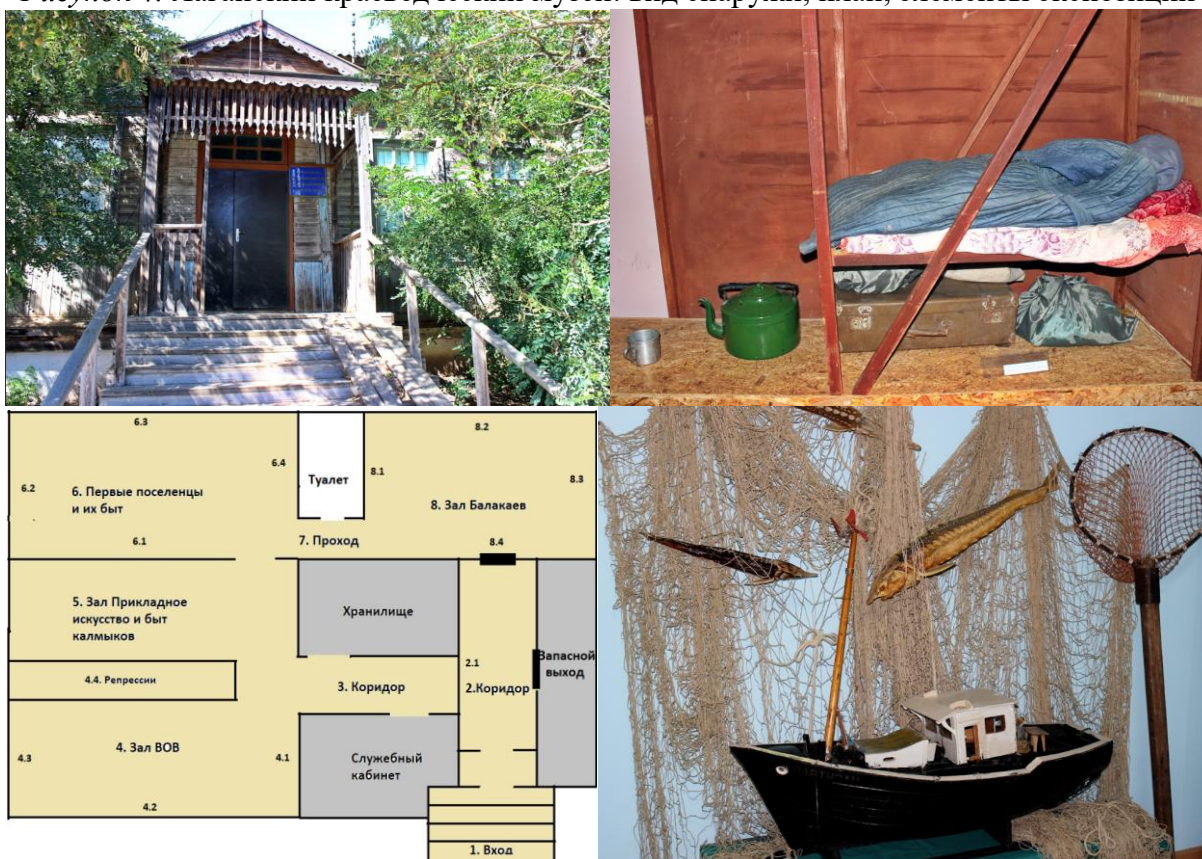
Этот метод ориентирован на эмпирическую работу прежде всего с двумя элементами схемы – этническими категориями, максимально приближенными к своей «спонтанной» форме и предстающими в том виде, в каком они применяются в ходе категоризирования людей в повседневности, а также индикаторами, то есть теми признаками, по которым в таких ситуациях происходит классифицирование. Этот метод имеет свои ограничения – в частности, во-первых, классифицирование осуществляется на основании не только визуальной, но и аудиальной и прочей информации, которая «схватывается» видео не оптимально, а, кроме того, классифицирование чаще всего осуществляется в привычных, воспроизводящихся контекстах и индикаторы внешности слабоуловимым образом соединяются с индикаторами контекста. Так или иначе, в той мере, в какой социологические исследования зачастую ориентированы на анализ текстов интервью, в которых, по сути, эксплицируется дискурс, а когнитивный поворот заявляет важность, кроме того, и вне-дискурсивного поля конструирования этничности, такой метод (дополненной другими методами соответствующей «линейки», например, методом совместных прогулок) является важным инструментом доступа к соответствующим явлениям.

Этничность в музеях

Конструкция этничности воспроизводит себя не только в текстах и существует не только в спонтанных классификациях. «Содержится» этничность также в визуальных образах и – шире – в разного рода институционализированных пространствах, которые, однако, в современных социологических исследованиях культуры принято изучать как набор символов – намеренно или ненамеренно расположенных определенным образом. На основании этих подходов и их инструментария, с учетом ограничений, к которым прежде всего относится широта «простора интерпретаций» возможно «дистиллировать» и конструкцию этничности. В 2019 году было

проведено исследование в музеях республик Карелия и Калмыкия, а в 2021 – в музеях Дагестана⁹. Была создана подробная методология, позволяющая осуществлять эту «дистилляцию», в рамках которой анализировались образы и их контекст (например, расположение музея в населенном пункте, различия между текстом экскурсии и «текстом» экспозиции, взаимная соотнесенность залов и экспонатов в них, сами экспонаты и проч.) и создавалось описание. Вот выдержки из такого описания краеведческого музея в г. Лагань (Республика Калмыкия), фотографии материалов откуда представлены на Рисунке 4:

Рисунок 4. Лаганский краеведческий музей: вид снаружи, план, элементы экспозиции



В музейном тексте присутствуют две основные этнические категории – «русские» и «калмыки». Они присутствуют в контексте друг друга, подчеркивается их равноправие и равнозначность для возникновения города. Эта репрезентация оказывается сопряжена со сложностью: город был основан русскими поселенцами. Но сложность эта решается посредством символического рядоположения двух залов – зала быта первых поселенцев, который одновременно является залом русской культуры, а также зала быта калмыков, которые описываются экспозицией как – в момент возникновения поселения – кочевавшие неподалеку, а затем ставшие

⁹ Некоторые результаты этих исследований были отражены в следующей публикации: (Гуцунаев и др., 2022)

горожанами. Экспонатов в этих залах примерно одинаковое количество, визуально ни один из залов не доминирует. Дискурсивно это равенство подчеркивается и в экскурсиях, и в подписях к экспонатам: дерутся не калмыки с русскими, а «русские <...> и калмыки этого края на, там, русских, <...> и калмыков того края», а в море рыбаки выходили и выходят смешанными командами. Выбивается из нарратива о дружбе народов инсталляция, посвященная депортации калмыков и представляющая собой теплушку с манекеном, одетым в ватник и лежащим на нарах спиной к посетителю музея. Инсталляция сопровождается подписью «Депортация 1943 года: фрагмент товарного вагона», а также стендом с заглавием «Боль земли калмыцкой» и представленными копиями документов. Инсталляция располагается в зале, посвященном Великой отечественной войне, в котором экспозиция стандартна для уже изученных музеев – ход войны в целом и участие в ней уроженцев города, депортация же никак не объясняется и не интерпретируется. Конструкция этничности, в той мере, в какой она может быть выделена из экспозиции, таким образом, одновременно содержит в себе указание на «хорошие отношения» между «калмыками» и «русскими», а также на факт депортации как на элемент калмыцкой истории (атрибут категории «калмык» – он или его предки пережили депортацию) не связанный с «русскими».

Такой подход (со своими теоретическими и методологическими основаниями) может быть использован для описания конструкции этничности в любых, не только музейных, пространствах (фестиваль, улица, кафе и проч.). Но в этом и предыдущих примерах речь шла почти исключительно о категориях и их атрибутах, в следующем же примере речь пойдет о третьем «большом» компоненте модели – общих представлениях об этничности, и, в частности, о народной социологии.

Народные социологии этничности

Как указывалось выше, элементом конструкции этничности являются и общие представления о природе этничности. Они, редко становясь объектом рефлексии, чаще всего представляются людям самоочевидными и естественными. Это одна из причин, по которой они редко попадают и в исследовательский фокус. В зарубежной литературе, однако, существует некоторое количество работ, лежащих в русле исследований т.н. «народных социологий» (folk-sociologies, того, как простые люди воображают общественные явления) и посвященных этничности. Из этих исследований был заимствован ряд вопросов, которые затем были

использованы в ходе полевого исследования в Дагестане в 2022 году¹⁰. Эти вопросы имели форму «виньеток» – воображаемых ситуаций, в отношении которых информантам надо было определиться с поведением или оценкой, в результате чего можно сделать выводы о некоторых элементах их картины мира. В случае этого исследования применялось т.н. задание «подмена при рождении» (Switch at birth task, SaBT), в рамках которого предлагалось определить национальность ребенка, родившегося в «моноэтнической» семье, родители которого попали в автокатастрофу, в результате чего ребенка передали в семью другой национальности. Вот формулировка этого вопроса:

Представьте себе ситуацию. В семье, где папа аварец и мама аварка, родился ребенок, но сразу после его рождения его родители попали в аварию и погибли, и ребенка взяла семья лучшего друга отца, даргинца по национальности. В этой семье к нему относились как к родному, давали все то же, что и родным детям. Наравне с ними он выучил даргинский язык, а аварский он не знает. Кем этот ребенок, на Ваш взгляд, является по национальности? А если авария произошла не сразу после его рождения, а когда ему было шесть-семь лет? А если погибшие родители русские? А если национальность его родителей неизвестна?

Другой вопрос, который задавался информантам, являлся просьбой определить национальность человека, родители которого принадлежат к двум разным национальностям. В каждом случае, кроме того, предлагалось объяснить решение. Исследование показало, что в Дагестане сосуществуют разнообразные «народные социологии этничности». Анализ ответов на первую виньетку позволил обнаружить, что вдобавок к ожидаемым вариантам ответа, которые – в стезе существующей литературы – позволяли определить отвечающего как «примордиалиста» (национальность ребенка – это национальность его биологических родителей, «потому что национальность это кровь») и «конструктивиста» (национальность ребенка – это национальность его приемной семьи, «потому что национальность это культура») воспроизводится и третий вариант ответа, согласно которому национальность – это «всего лишь строчка в паспорте», которой, кроме того, в современных документах больше нет. Было установлено, что эта концепция распространена в тех сообществах, которые за последние 100 лет были официально рекатегоризированы в личных документах или в переписи. На этом основании была предложена интерпретация, согласно которой такая – административная – ре-категоризация, и стала причиной, по которой целые сообщества стали воспринимать национальности не как «естественные»

¹⁰ Результаты этого исследования были отражены в следующих публикациях: (Варшавер, Орлова, Шульга, 2023; Варшавер, Хабибуллин, Самосудова, Шульц, 2024).

категории, а как категории внешние и искусственные. На этом основании был сделан общий теоретический вывод, согласно которому непоследовательная категоризационная политика государства может дискредитировать в глазах людей всю совокупность категорий целиком. Использование распределения ответов на вторую виньетку, где предлагалось категоризировать ребенка в «смешанной» семье, позволило продемонстрировать, что в Дагестане сосуществует два основных правила членства в национальностях – «по отцу» и «по обоим родителям», при этом первое распространено преимущественно в горах, второе – в равнинных городах. Были сделаны предположения о генезисе этих правил («по отцу» наследует правилу классификации по кланам-тухумам, а «по обоим родителям» является следствием влияния генетической рамки, преподававшейся в советской школе) и даны прогнозы относительно дальнейшей судьбы размышляющей категоризации по национальностям. В основании этих выводов и предположений, однако, лежат именно третий элемент схемы – общие коллективные представления об этничности, о ее природе и механизмах передачи, и в том числе так они могут быть исследованы эмпирически.

Мигранты как объект эмпирических исследований этничности

Созданная модель может быть эффективно применена не только к категориям и явлениям, которые традиционно считаются этническими (например, «национальностям» в российском контексте), но и к прочим категориям, входящих в круг этнических, согласно определению, данному выше. И в частности – к категории «мигранты». Эмпирическим фокусом такого рода исследований может быть и вписанность этой категории в сетку других категорий, и индикаторы, указывающие на «мигрантскость» в повседневности и в ходе формальных интеракций и многое другое. Ниже будут описаны два исследовательских дизайна, реализованных с использованием модели, в которых в фокусе оказывались именно мигранты.

В рамках первого исследования в фокус была помещена российская национальная политика – ее документы и мероприятия¹¹. Национальная политика, согласно теоретическому ходу, помещенному в основание исследования, является воплощением имплицитной, нигде четко не проговариваемой конструкции этничности, а эмпирическое исследование этой политики – это способ понять, какая конструкция этничности реализуется в национальной политике и какую роль в ней играют мигранты. Для этого отдельно анализировались документы (Стратегия национальной политики, ее региональные вариации и проч.), отдельно – мероприятия (фестивали и церемонии, но также сайты и справочники – слово «мероприятие» в данном случае понималось так, как оно понимается в рамках административного дискурса). Полевая работа проводилась в Санкт-Петербурге и республике Башкортостан и подразумевала наблюдение на мероприятиях, а также интервьюирование их разработчиков и участников. Для каждого документа или мероприятия

¹¹ Результаты этого исследования пока не опубликованы.

создавалось описание конструкции этничности с фокусом на категории «мигрант» и сходных категориях. Было показано, что мигранты и миграция постепенно включаются в конструкцию этничности, транслируемую политикой, существуют этнические категории, которые связываются с категорией «мигранты», однако и в текстах, и в мероприятиях эта позиция остается маргинальной. Эта маргинальность и инструменты ее «производства» были описаны детально.

Рисунок 5. Ход исследования представлений о мигрантах в национальной политике



Второе исследование¹² было сфокусировано на том, как не-мигранты представляют себе интеграцию мигрантов, и теоретический ход, ставший основой этого исследования, состоял в том, что эти представления являются имплицитным правилом членства в национальной категории, связываемой с российским обществом в целом (то есть классификаторным правилом), но одновременно являются элементом глобальной конструкции этничности, в рамках которой мир делится на нации, каждый человек оказывается «приписан» к одной из них, и – по определенным правилам – можно сменить эту «приписку». На материале 40 фокус-групп и 100 интервью в 5 регионах России было показано, что такие – устойчивые – представления, действительно существуют, что они не сводятся к вопросам «паспорта» и «гражданства», но также принимают во внимание «лояльность» и «культурное сходство» и что – наряду со «стандартной процедурой» существуют способы быстрого «вступления в нацию», а именно «подвиг». На основании этого исследования – базово посвященного представлениям о мигрантах и их интеграции – были

¹² Результаты этого исследования опубликованы в следующих работах: (Варшавер, Иванова, Егорова, 2024; Иванова, Егорова, Варшавер, Савин, 2024).

реконструированы и представления о российской нации, являющейся в этой логике элементом воображения глобального этнического разнообразия.

Этими примерами вариативность полевых методов, приемов и дизайнов, в рамках которых возможна операционализация предложенной модели, не исчерпывается. В частности, она может быть использована в количественных исследованиях, где может измеряться интенсивность тех или иных представлений и тем самым определяться их выраженность (степень согласия с утверждением о том, что представители такой-то этнической категории, например, жадные). Другой количественной стратегией является демонстрация фотографий, на которых изображена некоторая повседневная ситуация и которую респондентам необходимо описать одной фразой, после чего осуществляется кодировка ответов, выявляется этнизация (респондент в описании использовал этническую категорию) и – с помощью статистического анализа выявляется, чем различаются те, кто этнизирует фотографии и те, кто этого не делает. Не менее успешно коллективные дифференцирующие представления могут изучаться в ходе этнографической полевой работы, а также методом автоэтнографии, в рамках которой, например, может осуществляться рефлексия над конструкцией этничности, в которую исследователь был социализирован или в которой оказался на определенном жизненном этапе. Модель может быть использована и для изучения формальной нормативности – для этого, скажем, квоты на поступление в высшие учебные заведения переписываются как нормы, связанные с определенными категориями. Модель, кроме того, может применяться для исследования разнообразия социальных категорий, которые традиционно не относятся к этническим («мигранты», «мусульмане») и многого другого. Следует отметить также, что модель не является подходящей только для исследований, посвященных современности. В той степени, в какой конструкции этничности существовали и раньше, модель может описывать конструкции этничности прошлого, «дистиллированные» на основании исторических методов. Будучи апробированной в разнообразии исследований, выполненных в разных методологиях, модель показала свою эффективность как общий знаменатель эмпирических описаний этничности. Важно, однако, что она является именно дескриптивной – она является способом сообщить, что дело с этничностью обстоит определенным образом, а почему это так или как оно объясняет внешние по отношению к представлениям о различиях между людьми явления – этот вопрос решается на следующем шаге, который, однако, невозможно сделать без должного описания. Именно для создания оптимального описания эта модель и была разработана.

Заключительные соображения

Выше, таким образом, представлена дескриптивная теоретико-методологическая модель. Эта модель является частью более широкой исследовательской программы. Программа эта на данный момент только разрабатывается, однако – в той мере в какой хорошая программа должна основываться на прочном теоретико-методологическом каркасе – этот каркас представлен и его «сердцевиной» является описанная модель, обеспечивающая понятную и прозрачную операционализацию теоретического здания когнитивизирующихся конструктивистских исследований этничности. Эта модель отвечает на вопрос, что именно исследуется, когда исследуется этничность в этой рамке, и уже отсюда несложно сделать следующий шаг и предложить конкретные ходы для конкретных эмпирических исследований в режиме «открытого списка». Это тоже делается в статье. В заключительном ее фрагменте предполагается остановиться на нескольких важных вопросах и, в частности, указать на отличия этой модели и программы, с ней связанной, от прочих конструктивистских и в некотором смысле когнитивизированных исследовательских программ, созданных для исследования этничности в рамках социальных наук, а также наметить шаги для реализации этой программы.

Итак, как уже указывалось, модель является основанием для программы, которая находится в контексте некоторого количества других исследовательских программ, заимствуя у каждой из них определенные логики и ходы. Авторы этих программ – Андреас Виммер, Канчан Чандра, Роджерс Брубекер и Ричард Дженкинс. Каждая из этих программ, однако, также имеет и свои пробелы, которые важно было выявить, чтобы избежать их воспроизводства. В других работах (Варшавер, 2022а) эти программы детально описываются и рецензируются, здесь же есть возможность лишь кратко коснуться их в целях контекстуализации создаваемой программы. Итак, прежде всего, эта программа – надстройка над работами Брубекера (Brubaker, 2006; Brubaker, Grancea, Feischmidt, Fox, 2006). Будучи не только теоретиком, но и полевым этнографом, свои концепции он разрабатывал в рамках и эмпирических исследований, однако его теоретические построения не были методологизированы и универсализированы и, предостерегая от группизма и заявляя когнитивный поворот, Брубекер, в целом, не предлагает конкретных, отчуждаемых исследовательских ходов по его осуществлению. Эта лакуна компенсируется в данной работе. Программа Виммера (Wimmer, 2013), в целом, находится в контексте работ Брубекера, и в ее рамках реализовано много важного – разработана таксономия стратегий повседневной «работы» с этническими границами, описано взаимодействие между разными уровнями, на которых «происходит» эта «работа» (Wimmer, 2008), описываются конкретные эмпирические дизайны (Wimmer, 2004), однако «родовой травмой» проекта Виммера является сам концепт, вокруг которого этот проект строится. Границы, будучи продуктивной метафорой во времена Ф. Барта, введшего эту метафору в широкий оборот, исчерпали свой ресурс, и вмонтированная в них

пространственная семантика практически перестает работать в контекстах, не ограничивающихся двумя категориями, представители которых, пусть и внахлест, но проживают на разных, соседних территориях. Виммер пытался «залатать дыру», усилив интерактивный компонент и перейдя от собственно границ к их производству, однако тем проблема не снимается, и продуктивным решением, как представляется, является концептуальная перепрошивка поля с сохранением, однако, большинства теоретико-методологических инноваций Виммера. Чандра (Chandra, 2012) делает важную работу в рамках инструменталистского подхода, разрывая связь между людьми и категориями (идентичностями, в ее языке), однако частью ее язык является узко специфичным, частью ее теория затрагивает лишь один аспект этничности (на представленном языке – это связка между категориями и индикаторами), не претендуя на универсальность. Ее теория с некоторыми оговорками «стыкуется» с более универсальным языком, представленным в этой статье. Важны в разработке этого языка и построения Дженкинса (Jenkins, 1994), который также фокусируется на этнических категориях, а, кроме того, разрабатывает социологическую теорию идентичности (Jenkins, 2014), ориентируясь на феноменологическую социологическую традицию. Дженкинс, однако, прежде всего теоретический социолог и почти не занимается вопросом операционализации, используя эмпирическую реальность как резервуар примеров. Программа и модель, представленная в этой статье, по контрасту с описанными программами взятыми в целом, является, во-первых, концептуально ненагруженной, во-вторых, полевой, в-третьих, методологически разновекторной, в-четвертых, универсальной и – исходя из этого – и может быть полезной как связующее звено между теоретическим осмыслением феномена этничности и разнодисциплинарными эмпирическими дизайнами, разрабатываемыми и воплощаемыми в рамках ее изучения.

Несмотря на то, что модель на данный момент представлена, как если бы она была закончена, и она, и программа носят прежде всего характер теоретико-методологического каркаса, который должен обрастать в том числе и теоретическими разработками и доработками применительно к тем или иным явлениям. В частности, часто упоминаемый когнитивный поворот в исследованиях этничности, как уже говорилось, находится лишь в начальной стадии, и должна быть осуществлена дальнейшая работа, по оценке возможности (и необходимости) «когнитивизации» описанной модели. Для этого, однако, должно проводиться больше эмпирических исследований на стыке социологии и когнитивистики, на основании которых модель должна быть уточнена. Сейчас она в большей степени ориентирована на описание коллективных представлений, которые находятся во взаимосвязи с когнитивными схемами, но к ним не редуцируются (и наоборот, коллективные представления не являются простым общим знаменателем индивидуальных представлений). То же касается более прицельной работы с когнитивными методами с социологической перспективы. Важно, кроме того, что этот подход

может стать междисциплинарным мостом между когнитивными и историческими исследованиями этничности – изучение того, как люди воспринимали и осмысливали различия в прошлом является амбициозной и пока сложностижимой (за отсутствием как инструментов, так и соответствующих пониманий) целью. С другой стороны – для того, чтобы построенное здание было более основательным – могут стать объектом более детального исследования собственно социологические основания созданного подхода. Пока они носят рамочный характер. Определенно требуют дальнейшей разработки и инструменты визуализации и схематизации результатов. Важно, однако, что все это является уточнением и адаптацией уже созданного и представленного в этой статье теоретико-методологического каркаса. Помимо доработок, однако, важно начать осуществлять и дальнейшие шаги, состоящие в том, чтобы эта – созданная – этническая переменная была вписана в объяснительные модели. Легитимным вопросом в рамках такого рода объяснений, например, могут быть закономерности, связанные с изменением конструкции этничности или отдельных ее частей (как и почему меняются характеристики категорий, сами категории или возникают и исчезают целые классификации) и здесь – если соблюсти все «требования техники междисциплинарной безопасности» – выигрышными будут междисциплинарные объяснения, в которых, с одной стороны, используются социологические инструменталистские идеи, с другой – идея «объяснительной мощности» категорий и категоризаций, взятая из когнитивистики. Эти объяснительные модели, кроме того, могут быть «прокинуты» в прошлое. Однако, как уже говорилось, для этого нужна «крепко сбитая» «этническая» переменная, которая и была предложена в данной работе.

Литература

Андерсон Б. (2001). Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / Пер. с англ. В. Николаева. М.: КАНОН-пресс-Ц.

Барт Ф. (ред.). (2006). Этнические группы и социальные границы: Социальная организация культурных различий / Пер. с англ. И. Пильщикова. М.: Новое издательство.

Бергер П., Лукман Т. (1995). Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / Пер. с англ. Е.Д. Руткевич. М.: Медиум.

Варшавер Е.А. (2022а). «Перестать пинать мертвую лошадь примордиализма»: актуальные повестки дня в конструктивистских исследованиях этничности // Социологическое обозрение. Т. 21. № 3. С. 1–58.

Варшавер Е.А. (2022b). В ловушке двойной иррелевантности: (вос)производство этничности во взаимодействиях между переписчиками и переписываемыми в ходе всероссийской переписи 2021 г. в Дагестане // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. Т. 4. № 170. С. 199–221.

Варшавер Е.А., Орлова А.А., Шульга А.Е. (2023). Документарный конструктивизм как особая форма конструктивистской народной социологии: свидетельства из Дагестана // Этнографическое обозрение. № 6. С. 156–177.

Варшавер Е.А., Хабибуллин А.М., Самосудова А.Д., Шульц А.В. (2024). «По отцу» или «по обоим родителям»? Вариации децентного классификаторного правила, используемого при определении членства в этнических категориях в современном Дагестане // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. № 1. С. 176–201.

Варшавер Е.А. (2024). Эволюционная когнитивистика как ресурс для объяснения этнических явлений «после когнитивного поворота» // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. (в печати).

Варшавер, Е.А., Гупалова, Ю.В., Орлова, А.А. (2024). В Москве на самом деле проживает две национальности – славяне и южане? Отчет по результатам исследования вернакулярных категоризаций с применением элицитационных методов. URL: <http://mer-center.ru/> /0-0-0-216-20 (дата обращения: 12.12.2024).

Варшавер Е.А., Иванова Н.И., Егорова Т.Е. (2024). Воображая российскую нацию: кто, с точки зрения жителей России, является частью российского общества и можно ли стать его частью? // Вестник РУДН Политология. №2. Т. 26. № 2 (2024). С. 306–324.

Вахштайн В. (2015). «Поворот к материальному»: тридцать лет спустя // Социология власти. Т. 27. №. 1. С. 8–16.

Геллнер Э. (1991). Нации и национализм / Пер. с англ. Т. В. Бердиковой, М. К. Тюнькиной. М.: Прогресс.

Гириц К. (2004). Интерпретация культур / Пер. с англ. О. В. Барсуковой, А. А. Борзунова. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН).

Гуцунаев М.А., Дроздова А.Е., Кожаринова Е.В., Кунина А.И., Малиновский А.А., Назаров В.В., Ракачева А.В., Степанова Д.С., Варшавер Е.А. (2022). По следам этнического разнообразия в современном Дагестане: сборник статей по результатам студенческой экспедиции / Под общ. ред. Е.А. Варшавера. М.: Издательский дом НИУ ВШЭ.

Дюркгейм Э. (2019). Социология. Ее предмет, метод, предназначение / Пер. с фр. А. Б. Гофмана. М.: Издательство Юрайт.

Иванова Н.С., Егорова Т.Д., Варшавер Е.А., Савин И.С. (2024) «Жить так же, как мы живем»: представления жителей России об интеграции мигрантов // Актуальные проблемы Европы. №3 (123). С. 245–265.

Пыжова А.Н. (2012). Этническая идентичность поморов Архангельской области через призму основных антропологических подходов // Арктика и Север. №. 7. С. 37–44.

Тушков В.А. (б.д.). Этничность как форма социальной организации. URL: <http://valerytishkov.ru/cntnt/publikacii3/lekcii2/lekcii/etnichnost.html> (дата доступа: 08.03.2024).

Adler-Nissen R. (2016). The Social Self in International Relations: Identity, Power and the Symbolic Interactionist Roots of Constructivism // *European Review of International Studies*. Vol. 3. № 3. P. 27–39.

Allport G.W., Clark K., Pettigrew T. (1979). *The Nature of Prejudice*. New York: Basic Books.

Andrews T. (2012). What is Social Constructionism // *Grounded Theory Review*. Vol. 11. № 1. P. 39–46.

Augoustinos M., Innes J.M. (1990). Towards an Integration of Social Representations and Social Schema Theory // *British Journal of Social Psychology*. Vol. 27. № 3. P. 213–231.

Brubaker R. (2006). *Ethnicity Without Groups*. Cambridge: Harvard University Press.

Brubaker R., Grancea L.V.E., Feischmidt M., Fox J. (2006). *Nationalist Politics and Everyday Ethnicity in a Transylvanian Town*. Princeton University Press.

Brubaker R., Loveman M., Stamatov P. (2004). Ethnicity as Cognition // *Theory and Society*. Vol. 33. № 1. P. 31–64.

Chai S-K. (1996). A Theory of Ethnic Group Boundaries // *Nations and Nationalism*. Vol. 2. № 2. P. 281–307.

Chandra K. (ed.). (2012). *Constructivist Theories of Ethnic Politics*. Oxford: Oxford University Press.

Chandra K. (2013). What is Ethnic Identity? A Minimalist Definition // *Constructivist Theories of Ethnic Politics*. Oxford University Press.

Charsley S.R. (1974). The Formation of Ethnic Groups // *Urban ethnicity*. P. 337–368.

Cohen A. (2013). *Custom and Politics in Urban Africa: A Study of Hausa Migrants in Yoruba Towns*. Routledge.

Cosmides L., Tooby J., Kurzban R. (2003). Perceptions of Race // *Trends in Cognitive Sciences*. Vol. 7. № 4. P. 173–179.

Diehl M. (1990). The Minimal Group Paradigm: Theoretical Explanations and Empirical Findings // *European Review of Social Psychology*. Vol. 1. № 1. P. 263–292.

Fearon J., Laitin D.D. (2000). Ordinary Language and External Validity: Specifying Concepts in the Study of Ethnicity. Working Paper. URL: <https://web.stanford.edu/group/fearon-research/cgi-bin/wordpress/wp-content/uploads/2013/10/Ordinary-Language-and-External-Validity-Specifying-Concepts-in-the-Study-of-Ethnicity.pdf> (дата обращения: 08.03.2024).

Fuller S., Mey M., Shinn T., Woolgar S. (eds.). (1989). *The Cognitive Turn: Sociological and Psychological Perspectives on Science*. Dordrecht: Springer Science+Business Media Dordrecht.

- Gee J.P.* (2014). *An Introduction to Discourse Analysis: Theory and Method* (4th ed.). London: Routledge.
- Gelman, S.A.* (2003). *The essential child: Origins of essentialism in everyday thought*. New York: Oxford University Press.
- Gil-White, F.J.* (2001). Are ethnic groups biological “species” to the human brain? Essentialism in our cognition of some social categories // *Current anthropology*. Vol. 42. № 4. P. 515–553.
- Glaser B.G., Strauss A.L.* (2017a). *Discovery of Grounded Theory: Strategies for Qualitative Research*. Routledge.
- Glaser B.G., Strauss A.L.* (2017b). *Theoretical Sampling // Sociological Methods*. Routledge. P. 105–114.
- Gold S.J.* (1991). *Ethnic Boundaries and Ethnic Entrepreneurship: A Photo-Elicitation Study // Visual Studies*. Vol. 6. № 2. P. 9–22.
- Hobsbawm E., Ranger T.* (eds.). (2012). *The Invention of Tradition*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Hogg M.A.* (2016). *Social identity theory*. Springer International Publishing.
- Hutchby I., Wooffitt R.* (2008). *Conversation Analysis*. Polity.
- Hutchinson J., Smith A.D.* (eds.). (1996). *Ethnicity*. Oxford: Oxford University Press.
- Ignatow G.* (2007). Theories of Embodied Knowledge: New Directions for Cultural and Cognitive Sociology? // *Journal for the Theory of Social Behaviour*. Vol. 37. № 2. P. 115–135.
- Ingelaere B., Paviotti A.* (2023). The Waxing and Waning of Ethnic Boundaries: Violence, Peace and the Ubwoko in Burundi // *The Journal of Modern African Studies*. Vol. 61. № 2. P. 235–256.
- Jenkins R.* (1994). Rethinking Ethnicity: Identity, Categorization and Power // *Ethnic and Racial Studies*. Vol. 17. № 2. P. 197–223.
- Jenkins R.* (2014). *Social identity*. Routledge.
- Kubota J.T., Banaji M.R., Phelps E.A.* (2012). The Neuroscience of Race // *Nature Neuroscience*. Vol. 15. № 7. P. 940–948.
- Latour B.* (2007). *Reassembling the Social: An Introduction to Actor-Network-Theory*. Oup Oxford.
- McDermott M., Samson F.L.* (2005). White Racial and Ethnic Identity in the United States // *Annual Review of Sociology*. Vol. 31. № 1. P. 245–261.
- Modood T.* (2004). Capitals, Ethnic Identity and Educational Qualifications // *Cultural Trends*. Vol. 13. № 2. P. 87–105.
- Moscovici S. et al.* (1981). On Social Representations // *Social cognition: Perspectives on Everyday Understanding*. Vol. 8. № 12. P. 181–209.
- Moscovici S.* (2001). *Social Representations: Essays in Social Psychology*. Nyu Press.

Moya C., Boyd R. (2015). Different Selection Pressures Give Rise to Distinct Ethnic Phenomena: A Functionalist Framework with Illustrations from the Peruvian Altiplano // *Human Nature*. Vol. 26. № 1. P. 1-27.

Nagel J. (1994). Constructing Ethnicity: Creating and Recreating Ethnic Identity and Culture // *Social Problems*. Vol. 41. № 1. P. 152–176.

Okamura J.Y. (1981). Situational Ethnicity // *Ethnic and Racial Studies*. Vol. 4. № 4. P. 425–465.

Pfadenhauer M., Knoblauch H. (eds.). (2018). *Social Constructivism as Paradigm?: The Legacy of the Social Construction of Reality*. London: Routledge.

Pilarska J. (2021). The Constructivist Paradigm and Phenomenological Qualitative Research design // *Pabel A., Pryce J., Anderson A.* (eds.). *Research Paradigm Considerations for Emerging Scholars*. Bristol: Channel View Publications. P. 64–83.

Pyasik M., Proverbio A.M., Pia L. (2023). Behavioral and Neurophysiological Indices of the Racial Bias Modulation After Virtual Embodiment in Other-Race Body // *Iscience*. Vol. 26. № 10. URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC37860769/> (дата доступа: 08.03.2024).

Raphael M.W. (2017). *Cognitive Sociology* // *Oxford Bibliographies Online in Sociology*. URL: https://academicworks.cuny.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1305&context=gc_pubs (дата доступа: 08.03.2024).

Roth W.D. (2015). Studying Ethnic Schemas: Integrating Cognitive Schemas into Ethnicity Research Through Photo Elicitation // *Santos C. E., Umaña-Taylor A. J.* (eds.). *Studying ethnic identity: Methodological and conceptual approaches across disciplines*. American Psychological Association. P. 89–118.

Sacks H., Schegloff E.A., Jefferson G. (1978). A Simplest Systematics for the Organization of Turn Taking for Conversation // *Schenkein J.* (ed.). *Studies in the Organization of Conversational Interaction*. New York: Academic Press. P. 7–55.

Sanders J.M. (2002). Ethnic Boundaries and Identity in Plural Societies // *Annual Review of Sociology*. Vol. 28. № 1. P. 327–357.

Searle J.R. (1979). *Expression and Meaning: Studies in the Theory of Speech Acts*. New York: Cambridge University Press.

Seigfried H. (1976). Descriptive Phenomenology and Constructivism // *Philosophy and Phenomenological Research*. Vol. 37. № 2. P. 248–261.

Smith A.D. (2009). *Ethno-Symbolism and Nationalism: A Cultural Approach*. Routledge.

Sporer, S.L. (2001). Recognizing Faces of Other Ethnic Groups: An integration of Theories // *Psychology, Public Policy, and Law*. Vol. 7. № 1. P. 36.

Surkis J. (2012). When Was the Linguistic Turn? A Genealogy // *The American Historical Review*. Vol. 117. № 3. P. 700–722.

Tajfel H., Turner J.C. (1979). An Integrative Theory of Intergroup Conflict // Austin W.G., Worchel S. (eds.). *The Social Psychology of Intergroup Relations*. Monterey: Brooks/Cole. P. 33–37.

Tannen D., Hamilton H.E., Schiffrin D. (2015). *The Handbook of Discourse Analysis* // John Wiley & Sons.

Thomson S.B. (2010). Sample Size and Grounded Theory // *Grounded Theory-Sample Size*. *Journal of Administration and Governance*. Vol. 5. № 1. P. 45–52.

Valentine T.M., Lewis B., Hills P.J. (2016). Face-Space: A Unifying Concept in Face Recognition Research // *Quarterly Journal of Experimental Psychology*. Vol. 69. № 10. P. 1996–2019.

Van Dijk T.A. (1984). *Prejudice in Discourse: An Analysis of Ethnic Prejudice in Cognition and Conversation*. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Publishing Company.

Van Dijk T.A. (2009). *Critical Discourse Studies: A Sociocognitive Approach* // *Methods of Critical Discourse Analysis*. Vol. 2. № 1. P. 62–86.

Wimmer. A. (2004). Does Ethnicity Matter? Everyday Group Formation in Three Swiss Immigrant Neighbourhoods // *Ethnic and Racial Studies*. Vol. 27. № 1. P. 1–36.

Wimmer. A. (2008). Elementary Strategies of Ethnic Boundary Making // *Ethnic and Racial Studies*. Vol. 31. № 6. P. 1025–1055.

Wimmer. A. (2008). The Making and Unmaking of Ethnic Boundaries: A Multilevel Process Theory // *American Journal of Sociology*. Vol. 113. № 4. P. 970–1022.

Wimmer A. (2013). *Ethnic Boundary Making: Institutions, Power, Networks*. Oxford: Oxford University Press.

References

Adler-Nissen R. (2016) The Social Self in International Relations: Identity, Power and the Symbolic Interactionist Roots of Constructivism. *European Review of International Studies*, vol. 3, no 3, pp. 27–39.

Allport G.W., Clark K., Pettigrew T. (1979) *The Nature of Prejudice*, New York: Basic Books.

Anderson B. (2001) *Voobrazhaemye soobshhestva. Razmyshlenija ob istokah i rasprostraneni nacionalizma* [Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism], Moscow: KANON-press-C.

Andrews T. (2012) What is Social Constructionism. *Grounded Theory Review*, vol. 11, no 1, pp. 39–46.

Augoustinos M., Innes J.M. (1990) Towards an integration of social representations and social schema theory. *British Journal of Social Psychology*, vol. 27, no 3, pp. 213–231.

Barth F. (ed) (2006) *Jetnicheskie gruppy i social'nye granicy: Social'naja organizacija kul'turnyh razlichij* [Ethnic Groups and Boundaries: The Social Organization of Culture Difference], Moscow: Novoe izdatel'stvo.

Berger P., Luckmann T. (1995) *Social'noe konstruirovanie real'nosti. Traktat po sociologii znanija* [The Social Construction of Reality. A Treatise on the Sociology of Knowledge], Moscow: Medium.

Brubaker R. (2006) *Ethnicity Without Groups*, Cambridge: Harvard University Press.

Brubaker R., Grancea L.V. E., Feischmidt M., Fox J. (2006) *Nationalist Politics and Everyday Ethnicity in a Transylvanian Town*, Princeton University Press.

Brubaker R., Loveman M., Stamatov P. (2004) Ethnicity as Cognition. *Theory and Society*, vol. 33, no 1, pp. 31–64.

Chai S-K. (1996) A Theory of Ethnic Group Boundaries. *Nations and Nationalism*, vol. 2, no 2, pp. 281–307.

Chandra K. (ed.) (2012) *Constructivist Theories of Ethnic Politics*, Oxford: Oxford University Press.

Chandra K. (2013) What is Ethnic Identity? A Minimalist Definition. *Constructivist Theories of Ethnic Politics*, Oxford University Press.

Charsley S.R. (1974) The Formation of Ethnic Groups. *Urban Ethnicity*, pp. 337–368.

Cohen A. (2013) *Custom and Politics in Urban Africa: A Study of Hausa Migrants in Yoruba Towns*. Routledge.

Cosmides L., Tooby J., Kurzban R. (2003) Perceptions of Race. *Trends in Cognitive Sciences*, vol. 7, no 4, pp. 173–179.

Diehl M. (1990) The Minimal Group Paradigm: Theoretical Explanations and Empirical Findings. *European Review of Social Psychology*, vol. 1, no 1, pp. 263–292.

Durkheim E. (2019) *Sociologija. Ee predmet, metod, prednaznachenie* [Sociology. Its Subject, Method, Purpose], Moscow: Jupiter Publishings.

Fearon J., Laitin D.D. (2000) Ordinary Language and External Validity: Specifying Concepts in the Study of Ethnicity. *Working Paper*. Available at: <https://web.stanford.edu/group/fearon-research/cgi-bin/wordpress/wp-content/uploads/2013/10/Ordinary-Language-and-External-Validity-Specifying-Concepts-in-the-Study-of-Ethnicity.pdf> (accessed 8 March 2024).

Fuller S., Mey M., Shinn T., Woolgar S. (eds.) (1989) *The Cognitive Turn: Sociological and Psychological Perspectives on Science*, Dordrecht: Springer Science+Business Media Dordrecht.

Gee J.P. (2014) *An Introduction to Discourse Analysis: Theory and Method* (4th ed.), London: Routledge.

Gelman, S.A. (2003). *The essential child: Origins of essentialism in everyday thought*. New York: Oxford University Press.

Gil-White, F.J. (2001). Are ethnic groups biological “species” to the human brain? Essentialism in our cognition of some social categories. *Current anthropology*, vol. 42, no. 4, pp. 515–553.

Glaser B.G., Strauss A.L. (2017a) *Discovery of Grounded Theory: Strategies for Qualitative Research*, Routledge.

Glaser B.G., Strauss A.L. (2017b) *Theoretical Sampling. Sociological Methods*, Routledge, pp. 105–114.

Geertz K. (2004) *Interpretacija kul'tur* [The Interpretation of Cultures], Moscow: Russian political encyclopedia.

Gellner E. (1991) *Nacii i nacionalizm* [Nations and Nationalism], Moscow: Progress.

Gold S.J. (1991) Ethnic Boundaries and Ethnic Entrepreneurship: A Photo-Elicitation Study. *Visual Studies*, vol. 6, no 2, pp. 9–22.

Gucunaev M.A., Drozdova A.E., Kozharinova E.V., Kunina A.I., Malinovskij A.A., Nazarov V.V., Rakacheva A.V., Stepanova D.S., Varshaver E.A. (2022). *Po sledam jetniceskogo raznoobrazija v sovremennom Dagestane: sbornik statej po rezul'tatam studencheskoj jekspedicii* [On Ethnic Diversity in Modern Dagestan: Students' Field Trip Collection of Articles], Moscow: HSE Publishing House.

Hobsbawm E., Ranger T. (eds.) (2012) *The Invention of Tradition*, Cambridge: Cambridge University Press.

Hogg M.A. (2016) *Social Identity Theory*, Springer International Publishing.

Hutchby I., Wooffitt R. (2008) *Conversation Analysis*, Polity.

Hutchinson J., Smith A.D. (eds.) (1996) *Ethnicity*, Oxford: Oxford University Press.

Ignatow G. (2007) Theories of Embodied Knowledge: New Directions for Cultural and Cognitive Sociology? *Journal for the Theory of Social Behaviour*, vol. 37, no 2, pp. 115–135.

Ingelaere B., Paviotti A. (2023) The Waxing and Waning of Ethnic Boundaries: Violence, Peace and the Ubwoko in Burundi. *The Journal of Modern African Studies*, vol. 61, no 2, pp. 235–256.

Ivanova N.S., Egorova T.D., Varshaver E.A., Savin I.S. (2024). «Zhit' tak zhe, kak my zhivem»: predstavleniya zhitelej Rossii ob integracii migrantov [“To live just like we do”: concepts of Russian residents about the integration of migrants]. *Aktual'nye problemy Evropy*, 3(123): 245–265.

Jenkins R. (1994) Rethinking Ethnicity: Identity, Categorization and Power. *Ethnic and Racial Studies*, vol. 17, no 2, pp. 197–223.

Jenkins R. (2014). *Social Identity*, Routledge.

Kubota J.T., Banaji M.R., Phelps E.A. (2012) The Neuroscience of Race. *Nature Neuroscience*, vol. 15, no 7, pp. 940–948.

- Latour B. (2007) *Reassembling the Social: An Introduction to Actor-Network-Theory*, Oup Oxford.
- McDermott M., Samson F.L. (2005) White Racial and Ethnic Identity in the United States. *Annual Review of Sociology*, vol. 31, no 1, pp. 245–261.
- Modood T. (2004) Capitals, Ethnic Identity and Educational Qualifications. *Cultural Trends*, vol. 13, no 2, pp. 87–105.
- Moscovici S. et al. (1981) On Social Representations. *Social cognition: Perspectives on Everyday Understanding*, vol. 8. no 12. pp. 181–209.
- Moscovici S. (2001) *Social Representations: Essays in Social Psychology*, NYU Press.
- Moya C., Boyd R. (2015) Different Selection Pressures Give Rise to Distinct Ethnic Phenomena: A Functionalist Framework with Illustrations from the Peruvian Altiplano. *Human Nature*, vol. 26, no 1, P. 1–27.
- Nagel J. (1994) Constructing Ethnicity: Creating and Recreating Ethnic Identity and Culture. *Social Problems*, vol. 41, no 1, pp. 152–176.
- Okamura J.Y. (1981) Situational Ethnicity. *Ethnic and racial studies*, vol. 4, no 4, pp. 425–465.
- Pfadenhauer M., Knoblauch H. (eds.) (2018) *Social Constructivism as Paradigm?: The Legacy of the Social Construction of Reality*, London: Routledge.
- Pilarska J. (2021) The Constructivist Paradigm and Phenomenological Qualitative Research design. *Research Paradigm Considerations for Emerging Scholars* (eds. A. Pabel, J. Pryce, A. Anderson), Bristol: Channel View Publications, pp. 64–83.
- Pyasik M., Proverbio A.M., Pia L. (2023) Behavioral and Neurophysiological Indices of the Racial Bias Modulation After Virtual Embodiment in Other-Race Body. *Iscience*, vol. 26, no 10. Available at: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC37860769/> (accessed 8 March 2024).
- Pyzhova A.N. (2012) Jetnicheskaja identichnost' pomorov Arhangel'skoj oblasti cherez prizmu osnovnyh antropologicheskikh podhodov [Ethnic Identity of Pomors of the Arkhangelsk Region Through the Prism of the Main Anthropological Approaches]. *Arctic and North*, no 7, pp. 37–44.
- Raphael M.W. (2017) Cognitive Sociology. *Oxford Bibliographies Online in Sociology*. Available at: https://academicworks.cuny.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1305&context=gc_pubs (accessed 8 March 2024).
- Roth W.D. (2015) Studying Ethnic Schemas: Integrating Cognitive Schemas into Ethnicity Research Through Photo Elicitation. *Studying Ethnic Identity: Methodological and Conceptual Approaches across Disciplines* (eds. C.E. Santos, A.J. Umaña-Taylor), American Psychological Association, pp. 89–118.

Sacks H., Schegloff E.A., Jefferson G. (1978) A Simplest Systematics for the Organization of Turn Taking for Conversation. *Studies in the Organization of Conversational Interaction* (ed. J. Schenkein), New York: Academic Press, pp. 7–55.

Sanders J.M. (2002) Ethnic Boundaries and Identity in Plural Societies. *Annual Review of Sociology*, vol. 28, no 1, pp. 327–357.

Searle J.R. (1979) *Expression and Meaning: Studies in the Theory of Speech Acts*, New York: Cambridge University Press.

Seigfried H. (1976) Descriptive Phenomenology and Constructivism. *Philosophy and Phenomenological Research*, vol. 37, no 2, pp. 248–261.

Smith A.D. (2009) *Ethno-Symbolism and Nationalism: A Cultural Approach*, Routledge.

Sporer, S.L. (2001) Recognizing Faces of Other Ethnic Groups: An integration of Theories. *Psychology, Public Policy, and Law*, vol. 7, no 1, pp. 36.

Surkis J. (2012) When Was the Linguistic Turn? A Genealogy. *The American Historical Review*, vol. 117, no 3, pp. 700–722.

Tajfel H., Turner J. C. (1979) An Integrative Theory of Intergroup Conflict. *The Social Psychology of Intergroup Relations* (eds. W.G. Austin., S. Worchel), Monterey: Brooks/Cole, pp. 33–37.

Tannen D., Hamilton H.E., Schiffrin D. (2015) *The Handbook of Discourse Analysis*, John Wiley & Sons.

Thomson S.B. (2010) Sample Size and Grounded Theory. *Grounded Theory-Sample Size. Journal of Administration and Governance*, vol. 5, no 1, pp. 45–52.

Tishkov V.A. (d.b.). Jetnichnost' kak forma social'noj organizacii [Ethnicity as a Form of Social Organisation]. Available at: [http:// valerytishkov.ru/cntnt/publikacii3/lekcii2/lekcii/etnichnost.html](http://valerytishkov.ru/cntnt/publikacii3/lekcii2/lekcii/etnichnost.html) (accessed 8 March 2024).

Vahshtajn V. (2015) «Povorot k material'nomu»: tridcat' let spustja [«Turn to Material»: Thirty Years Later]. *Sociologija vlasti*, vol. 27, no 1, pp. 8–16.

Valentine T.M., Lewis B., Hills P.J. (2016) Face-space: A Unifying Concept in Face Recognition Research. *Quarterly Journal of Experimental Psychology*, vol. 69, no 10, pp. 1996-2019.

Van Dijk T.A. (1984) *Prejudice in Discourse: An Analysis of Ethnic Prejudice in Cognition and Conversation*, Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Publishing Company.

Van Dijk T.A. (2009) Critical Discourse Studies: A Sociocognitive Approach. *Methods of Critical Discourse Analysis*, vol. 2, no 1, pp. 62–86.

Varshaver E.A. (2022a) «Perestat' pinat' mertvuju loshad' primordializma»: aktual'nye povestki dnja v konstruktivistskih issledovanijah jetnichnosti [«Stop Beating the Dead Primordial Horse»: Actual Agendas in the Constructivist Research of Ethnicity]. *The Russian Sociological Review*, vol. 21, no 3, pp. 1–58.

Varshaver, E.A. (2022b) V lovushke dvojnoj irrelevantnosti: (vos)proizvodstvo jetnichnosti vo vzaimodejstvijah mezhdru perepischikami i perepisyvaemymi v hode vsrossijskoj perepisi 2021 g. v Dagestane [Trapped in Double-Irrelevancy: (Re)-Production of Ethnicity in Interactions Between Census-Takers and Their Respondents Based on Results of Observations During 2021 All-Russian Census in Dagestan]. *Monitoring of Public Opinion*, vol. 4, no 170, pp. 199–221.

Varshaver E.A., Orlova A.A., Shulga A.E. (2023) Dokumentarnyj konstruktivizm kak osobaja forma konstruktivistskoj narodnoj sociologii: svidetel'stva iz Dagestana [Documentary Constructivism as a Special Form of Constructivist Folk Sociology: Evidence from Dagestan]. *Ethnographic Review*, no 6, pp. 156–177.

Varshaver, E., Gupalova, J., Orlova, A. (2024). Are there only two ethnic groups in Moscow: Slavs and Southerners? Research on vernacular categorization with elicitation methods used. Available at: <http://mer-center.com/are-there-only-two-ethnic-groups-in-moscow-slavs-and-southerners-research-on-vernacular-categorization-with-elicitation-methods-used> (accessed 12 December 2024).

Varshaver, E.A., Habibullin, A.M., Samosudova, A.D., Shul'c, A.V. (2024) «Po otcu» ili «po oboim roditeljam»? Variacii decentnogo klassifikatornogo pravila, ispol'zuemogo pri opredelenii chlenstva v jetnicheskikh kategorijah v sovremennom Dagestane [«From Father» or «From Both Parents»? Variations of the Descent Classificatory Rule Regulating Membership in Ethnic Categories in Modern Dagestan]. *Monitoring of Public Opinion*, no 1, pp. 176–201.

Varshaver E.A. (2024) Jevoljucionnaja kognitivistika kak resurs dlja ob'jasnenija jetnicheskikh javlenij «posle kognitivnogo povorota» [Evolutionary Cognitive Science as a Resource for Explaining Ethnic Phenomena «After the Cognitive Turn»]. *Monitoring of Public Opinion*, (in print).

Varshaver E.A., Ivanova N.I., Egorova T.E. (2024) Vobrazhaja rossijskuju naciju: kto, s tochki zrenija zhitelej Rossii, javljaetsja chast'ju rossijskogo obshhestva i možno li stat' ego chast'ju? [Imagining the Russian Nation: Who, According to the Residents of Russia, Constitute Russian Society, and Can an Outsider Become its Member?]. *RUDN Journal of Political Science*, 26(2): 306–324.

Wimmer. A. (2004) Does Ethnicity Matter? Everyday Group Formation in Three Swiss Immigrant Neighbourhoods. *Ethnic and Racial Studies*, vol. 27, no 1, pp. 1-36.

Wimmer. A. (2008) Elementary Strategies of Ethnic Boundary Making. *Ethnic and Racial Studies*, vol. 31, no 6, pp. 1025-1055.

Wimmer. A. (2008) The Making and Unmaking of Ethnic Boundaries: A Multilevel Process Theory. *American Journal of Sociology*, vol. 113, no 4, pp. 970-1022.

Wimmer A. (2013) *Ethnic Boundary Making: Institutions, Power, Networks*, Oxford: Oxford University Press.

Реплики дискуссантов о статье (Е.М. Арутюнова, А.Р. Бессуднов, О.И. Вендина, Д.В. Верховцев, М.С. Каменских)

Возможно ли все понять об этничности? (Е.М. Арутюнова)

Эта статья для меня – текст не просто интересный, но и очень важный. Несколько лет назад при обсуждении в Институте социологии авторского проекта модели изучения этничности мне особенно запомнилась и показалась продуктивной и перспективной идея использования понятия «(этническая) категория» для обозначения того феномена, который называют и этнической группой/общностью, и национальностью, и нацией – в зависимости от дискурса. Такой терминологический переход, общий язык важен для исследователя-эмпирика конструктивистского толка, понимающего этничность как непрекращающийся процесс переосмысления себя и других, работающего в поле, где в представлениях людей этничность зачастую объективна, незыблема и эмоционально наполнена, взаимодействующего с государством со всеми его возможностями как актором в поле этничности и научными дискурсами с другими методологическими основаниями. Тем интереснее увидеть развитие и оформление предлагаемой автором модели.

Представление модели в контексте ее дескриптивной задачи видится вполне стройным и обоснованным – показаны и теоретические рамки, и эмпирические дизайны, причем не только потенциальные, но и уже осуществленные автором и его соратниками, сама конструкция этничности наглядна, операционализована, показан ход аналитического процесса и схема конструкции этничности для конкретного локального сообщества как результат. Модель можно использовать с различной эмпирикой, если понимать реальность в широком смысле как текст. Особенно отмечу использование метода «виньеток» как проективной методики – разворачивание ответов на вопросы типа «а что, если...» подсвечивает нюансы процесса категоризации, о которых информант до тех пор не думал, а исследователю все в копилочку. Модель, как справедливо отмечает автор, перспективна и для анализа идентичности как непрерывного процесса категоризации, и в других полях, не только при изучении этничности, и в ретроспективе. Иначе говоря, это добротная схема операционализации, которую можно дорабатывать и использовать шире.

При попытке разобраться в нюансах модели и чем она, в частности, в моей работе могла бы помочь, было любопытно следующее.

Как можно было бы ее соотнести с известной структурой идентичности как социально-психологической установки с ее тремя уровнями: когнитивным, эмоциональным и поведенческим (к которой в случае этнической идентичности Л.М. Дробижева добавляет еще и интересы)? По сути, пусть и без использования понятия идентичности, модель включает хорошую

операционализацию когнитивного уровня, уровня коллективных автои гетеростереотипов, представлений о нормах, и это вполне ожидаемо с учетом объявленных теоретических рамок. В какой-то мере при исследовании этничности в музеях или формальных классификациях этничности можно проследить поведенческий уровень, своеобразное овеществление или институционализацию конструкций этничности, а куда встроить эмоции, если этот феномен переживания действительности психикой влияет на поведение, а в поле этничности и подавно? Можно ли считать, что изучения когниций в случае этничности, по сути, достаточно? Можно ли (развиваем фантазию) для прагматических целей поддержания мирного сосуществования людей с разными интересами (которые они часто определяют как неразрывно связанные с их верой, расой, этничностью) использовать данные нейронаук, управлять поведением и этим ограничиться? И вообще – где пределы влияния когнитивного поворота на исследования социальности?

Предполагается ли возможность использования модели в количественной стратегии исследования? Ответ на этот вопрос в статье есть – упомянута шкала Богардуса, но механизм не вполне понятен и навскидку не удастся его додумать.

Есть ли подводные камни адаптации, если она нужна, представленной модели для исследования политических идентичностей или национально-гражданской идентичности в моменте и исторически?

Как использование модели само влияет на конструирование этничности в процессе взаимодействия исследователя и поля?

Суммируя, однозначно можно сказать, что статья полезна – она побуждает задуматься о развитии теории тогда, когда многие ученые видят ее только как ритуальный атрибут своих текстов, утопая в публикационной обыденности. И напротив – она дает рабочую схему практического исследования процесса этничности, которую с ходу можно (в хорошем смысле и со ссылкой) присвоить и идти в поле в самые разные локальные контексты, попутно дорабатывая, поскольку если модель тоже текст, то она никогда не закончена.

Этнические границы и категории в количественных исследованиях (А.Р. Бессуднов)

В своей статье Евгений Варшавер описал современные представления об этничности, которые разделяют большинство социологов и антропологов, работающих в этой области. Эти представления сложились в основном под влиянием работ Роджерса Брубекера, а также более ранних исследователей этничности и национализма (Бенедикт Андерсон, Энтони Смит), работающих в традиции, которую, несколько упрощая дело, можно назвать конструктивистской. Ее характеризует отход от представления об этнических группах как общностях, принадлежность к которым однозначно определяет этническую идентичность людей, и более внимательный и критический подход к тому, как этничность функционирует в повседневной жизни. Отсюда

смещение фокуса от этнических групп к этническим категориям, границам, различиям, социальным контекстам, в которых этничность становится более или менее важна.

Помимо обзора основных современных теорий этничности (которые включают также работы Андреаса Виммера и Канчан Чандры) Варшавер предлагает эмпирический дизайн, который может быть использован в качественных/этнографических исследованиях этничности, иллюстрируя его примерами из собственной полевой работы в Армении и Дагестане. В этом коротком отзыве я постараюсь оценить, в какой степени конструктивистский подход к этничности может применяться в количественных исследованиях, основанных на статистическом анализе данных.

Значительная часть таких исследований основана на данных опросов. В большинстве случаев исследователи не проводят их сами, а пользуются данными больших профессионально проведенных опросов. Например, в США такими являются General Social Survey (GSS) или Panel Study of Income Dynamics, в Великобритании – UK Household Longitudinal Study (UKHLS), в России – Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ. В случае вторичного анализа данных исследователи вынуждены пользоваться теми этническими категориями, которые имеются в данных, а они чаще всего следуют официальным классификациям, используемым государственными статистическими ведомствами. В частности, в UKHLS (также известном как Understanding Society), одном из наиболее масштабных и известных британских опросов, использованы следующие категории: британец/англичанин/шотландец/валлиец/северный ирландец, ирландец, индеец, пакистанец, бангладешец, китаец, карибец (то есть выходец из стран Карибского бассейна), африканец, любой другой белый, белый и азиат, белый и черный африканец и т. д. Эти категории дублируют официальную классификацию британской Службы национальной статистики. Нетрудно заметить проблемы с этой классификацией. Если такие категории, как «шотландец» или «валлиец», соответствуют нашему традиционному представлению об этнической идентичности, то в гораздо меньшей степени это можно сказать о таких категориях, как «индеец», «африканец», не говоря уже о категории «любой другой белый». Социолог-конструктивист мог бы многое написать здесь о том, как государство навязывает свое представление об этнической идентичности людям через официально признанную систему классификаций (этническая дискриминация в Британии законодательно запрещена, и парадоксальным образом на вопрос об этничности приходится отвечать едва ли не в каждой анкете – чтобы собрать данные, необходимые для изучения представленности людей из разных этнических групп в разных областях общественной жизни). Однако для целей социальной политики эта классификация работает неплохо, отражая миграционную историю Великобритании за последние 70 лет, но на практике социолог-количественник вынужден работать с теми категориями, которые имеются в данных.

Чаще всего этническая принадлежность используется как один из предикторов в разного рода регрессионных моделях, предсказывающих, например, образовательные достижения или поведение на рынке труда. Этничность является категориальным признаком, и в большинстве случаев наиболее многочисленная категория (например, «белые британцы») выбирается в качестве референтной, а все остальные с ней сравниваются. Малочисленные категории чаще всего объединяются в категорию «Другие». Очевидно, что такой подход оставляет мало места для анализа в стиле Брубекера/Виммера.

В качестве иллюстрации рассмотрим, как этничность анализировалась в некоторых эмпирических количественных статьях, опубликованных в недавних выпусках *British Journal of Sociology* (флагманский журнал британской социологии) и *Journal of Ethnic and Migration Studies*, одного из основных журналов для исследователей этничности и миграций. В этом коротком отзыве я не претендую на систематический обзор, однако я постарался выбрать статьи, характеризующие доминирующий в дисциплине подход.

Возьмем, например, статью Каролины Цукотти и Люсинды Платт, посвященную классовым различиям в образовательных достижениях и положении на рынке труда детей иммигрантов в Великобритании (Zuccotti, Platt, 2023). Для статистического анализа они берут данные лонгитюдного исследования британской Службы национальной статистики, соединяющего выборки из данных переписей 1971, 1981, 1991, 2001 и 2011 годов или использованы следующие этнические категории: белые британцы (референтная группа) и меньшинства индийского, пакистанского, бангладешского и карибского происхождения. Выбор этих категорий обусловлен их наличием в данных, а также размером выборки для статистического анализа (даже в большой выборке лонгитюдного исследования ONS недостаточно случаев для других этнических категорий). В какой степени эти категории представляют «этнические группы»? Если выходцев из стран Карибского бассейна и Бангладеш объединяет общая миграционная история и часто место проживания (в обоих случаях это преимущественно Лондон), то едва ли это применимо к потомкам иммигрантов из Индии (делящихся на три мало пересекающиеся религиозные общности – индусов, сикхов и мусульман). Эти детали теряются в статистическом анализе (хотя в принципе их возможно использовать при наличии данных), не говоря уже о тезисе о том, что этничность может играть совершенно разную роль в жизни людей, в зависимости от их индивидуальных особенностей, социального окружения и жизненной траектории. Статистический анализ усредняет.

В качестве другого примера возьмем статью Йорга Доллмана, Ирены Коган и Маркуса Вайсмана, посвященную влиянию наличия иностранного акцента в немецком языке на трудовую траекторию молодежи этнического происхождения в Германии (Dollmann, Kogan, Weißmann, 2024). Анализ в статье выполнен на данных лонгитюдного исследования детей иммигрантов в

четырёх европейских странах (CILS4EU), специально задуманного для изучения мигрантов второго поколения и вопросов, связанных с этничностью. Для измерения акцента был использован специальный опросный инструмент; это интересный и новаторский подход в социальных исследованиях. Однако для анализа этничности/региона происхождения употреблялись обобщенные категории: Турция (референтная группа, в течение долгого времени – основной источник иммигрантов в Германии), Южная Европа, страны бывшей Югославии, страны бывшего СССР и Восточной Европы, страны Северной и Западной Европы, другие страны. Понятно, что в данном случае речь опять-таки идет о статистическом упрощении: едва ли у албанских и итальянских иммигрантов, помещенных в категорию «Южная Европа», много общего, за исключением средиземноморского происхождения. Индивидуальные траектории и особенности, а также социальные контексты, в которых этничность становится более или менее важна, в таком статистическом анализе неизбежно теряются.

В количественных исследованиях, посвященных России, картина та же. Наиболее известным и чаще всего используемым в академических исследованиях источником опросных данных является Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения (РМЭЗ) НИУ ВШЭ. Вопрос об этничности в РМЭЗ является открытым («Кем вы себя считаете по национальности?»), и в документации к данным есть коды таких категорий, как «русский китаец» (178) или «коми – татарин» (183). На практике, однако, статистический анализ требует категорий с большим количеством наблюдений, поэтому малые категории по необходимости исключаются или перекодируются. Общероссийская выборка РМЭЗ не позволяет анализировать этнические категории, распространенные в отдельных регионах (например, в Дагестане, которого нет в выборке), а отсутствие блока вопросов, посвященных этнической идентичности и социальным контекстам этничности, допускает лишь самый обобщенный анализ на уровне крупных этнических категорий.

Возможна ли вообще в количественных исследованиях операционализация этничности в стиле Брубекера/Виммера? Это попытался сделать сам Виммер, не чуждый сотрудничества со статистически ориентированными социологами. Например, в статье, написанной совместно с Кевином Льюисом (Wimmer, Lewis, 2010), они используют сетевой анализ на данных Фейсбука¹³ для исследования расовой гомофилии в дружеских сетях (то есть склонности белых дружить с белыми, а черных – с черными). ERGM-модели позволяют отделить эффект разных факторов, влияющих на структуру сети. Как показал анализ, высокий уровень расовой гомофилии объясняется не только (и не столько) тенденцией выбирать себе друзей по расовым признакам, но и гомофилией внутри этнических групп (принадлежащих к одной расе), гомофилией по

¹³ Социальная сеть Facebook принадлежит компании Meta. Meta признана экстремистской организацией, деятельность запрещена в России.

социально-экономическому статусу и региону происхождения студентов, а также сетевыми эффектами (например, триадным замыканием – склонностью образовывать дружескую связь при наличии общих друзей).

В другой статье Виммер и Зоэль используют данные Европейского социального исследования (ESS) для анализа различных факторов, влияющих на ценностные различия между иммигрантами (и их детьми) и местным населением (Wimmer, Soehl, 2014). Они выделяют 305 разных групп иммигрантов, в основном ориентируясь на страну происхождения. Однако в эмпирическом анализе эта детальная классификация практически не применяется, и основное сравнение идет по линии «обобщенные мигранты – местное население». Главный вывод статьи в том, что юридические препятствия ассимиляции и дискриминация увеличивают культурную дистанцию, причем этот эффект наблюдается не только для самих мигрантов, но и для их детей. Этот аргумент находится в русле общей теории этнических границ, предложенной Виммером, согласно которой этнические границы не являются жесткими и фиксированными, а могут меняться в зависимости от социального контекста (примером которого являются дискриминационные практики).

В целом хотя эти и похожие статьи, несомненно, соотносятся с теоретическими аргументами, выдвинутыми Виммером, возникает ощущение, что возможности исследовательских дизайнов, которыми он пользуется, не позволяют полноценно эмпирически протестировать теорию. Существенно огрубляя, можно сказать, что выводы эмпирических исследований сводятся либо к тому, что этничность, возможно, не так важна для жизненных возможностей людей, как часто считается (после статистического контроля ряда коррелирующих с этничностью признаков), либо к исследованию культурных/этнических границ на макроуровне (другим известным примером работы такого рода является статья Кристофера Бэйла (Bail, 2008)).

Возможно, причиной относительной неадекватности количественных дизайнов для исследований этничности в ее конструктивистском понимании является ориентация на вторичный анализ данных, в основном опросных. Представляется, что экспериментальный подход, который часто используется в исследованиях идентичности в социальной психологии, может быть более полезен. В частности, перспективным дизайном кажутся онлайн-эксперименты с «виньетками», в которых могут замеряться представления респондентов об этнических границах в зависимости от заданных «виньетками» обстоятельств – в том же русле, в каком Варшавер использовал «виньетки» для исследования народных социологий этничности в Дагестане. Он делал это в рамках качественных интервью, но тот же метод вполне может быть применим и в количественных исследованиях.

Найден ли выход из когнитивных лабиринтов в исследованиях этничности?

(О.И. Вендина)

«Что именно исследуется, когда исследуется этничность?» – задается одновременно лукавым и двусмысленным вопросом Е.А. Варшавер. Лукавым, потому что такой опытный и эрудированный исследователь, как Евгений Александрович, не может не понимать, что получить на него однозначный ответ вряд ли возможно, и двусмысленным, поскольку, адресуя свой вопрос тем, кто стремится дойти «до самой сути», автор декларирует намерение дать конкретную программу эмпирических исследований тем, кто не очень понимает, о чем идет речь, когда исследуется этничность. Как-то не очень верится, что, получив в качестве алгоритма исследований реляционную дескриптивную модель, опирающуюся на конструктивистскую парадигму и когнитивные подходы, подобного рода исследователи (коих, к сожалению, немало) сумеют ею воспользоваться. Да и дальнейшее описание предлагаемой Варшавером дескриптивной модели требует от предполагаемых пользователей известной степени изощренности, тонкости интерпретаций и хотя бы поверхностного знания основ социальной психологии и достижений когнитивных наук. Думается, что ее ценность состоит скорее не в схематизации (упрощении) методического инструментария, позволяющего без глубокого проникновения в суть проблемы получать адекватные результаты (вроде успешной езды на автомобиле без понимания его устройства), а как раз наоборот, в соответствии уровня ее сложности – сложности устройства современного социума.

Развивая тезис Р. Брубекера о необходимости обращать внимание на категории и фреймы, вокруг которых организовано социальное объяснение и социальное действие, Варшавер доводит его до уровня эмпирических исследований, что, с моей точки зрения, составляет главную ценность предлагаемой модели и определяет ее теоретическое значение. Если я верно понимаю, то подчеркивание дескриптивного характера модели и важности когнитивного контекста означает, что этничность опосредуется словом и является производной от языкового (ментального) описания-объяснения событий, переживаемого опыта и визуальных наблюдений. Формулируя свою позицию, автор пишет, что «Люди верят в то, что индивиды дифференцируются определенным образом, фактически во всякий момент времени заново осуществляя дифференциацию, наделяют эту дифференциацию и дифференцирующие категории смыслом и действуют исходя из этого, на следующем шаге «перепроизводя» общественные структуры, связанные с этничностью».

Этничность в этом смысле выступает как способ категоризации новых явлений (феноменов) с помощью привычных и усвоенных терминов, содержание которых меняется под воздействием сдвигов в восприятии и переработке информации. Такая постановка вопроса достаточно нова для российской социологии и антропологии. Оригинальность предлагаемой

исследовательской модели (или программы, как в другом месте пишет автор), с моей точки зрения, состоит в следующем.

Во-первых, автор, оставаясь сторонником конструктивистских подходов, отказывается от стигматизации каких бы то ни было иных взглядов на этничность как ошибочных, несовременных и пр., предпринимая попытку извлечь из них рациональное зерно, сохраняющее свою ценность для решения исследовательских задач. Ну, например, статистический учет населения и проведение разного рода политик, связанных с культурной неоднородностью социума, вряд ли возможно без порицаемого «группизма», так же как маловероятно изучение связанных с этничностью процессов без реификации участвующих в них индивидов или сообществ. В некотором смысле реабилитируется и примордиализм. Ссылаясь на авторитет К. Гирца, который ввел этот термин в научный оборот, Варшавер отмечает исследовательскую легитимность примордиальных идентичностей как указания на устойчивость представлений об этнической принадлежности, впитанных «с молоком матери» и в ходе социализации, а не на их врожденность или изначальную заданность.

Во-вторых, предпринимается попытка интегрировать знания, накопленные в социологии, социальной психологии, антропологии и когнитивной лингвистике в единую исследовательскую модель. Помню, что еще относительно недавно Л.М. Дробижева сожалела, что работы Г. Оллпорта, Т. Петтигрю, Г. Таджфела, Э. Хатчинса, А. Гелла и других представителей школы социальной психологии и культурной антропологии малоизвестны российским социологам и рассматриваются как маргинальная ветвь этнических исследований. Однако Варшавера упрекнуть в этом нельзя. Заслуживает внимания и упоминание акторно-сетевой теории (ANT) как сопутствующего методологического инструментария предлагаемой исследовательской программы. С позиции данной теории, этничность является результатом сопряженного функционирования множества сложносоставных ансамблей, включающих материальные и нематериальные сущности – людей, вещи, институты, природу, дискурсы, эмоции, стереотипы, классификации и пр. И хотя в эмпирической части статьи автор скорее сосредотачивается на нематериальной – языковой и визуальной сторонах производства и восприятия этничности, он не упускает из поля зрения и значение этнокультурного антуража – своего рода реляционной «инфраструктуры», представленной музеями, фестивалями, праздниками и пр.

В-третьих, и мне это особенно близко, автор вводит в свою модель понятие «контекста» как условия, необходимого для прояснения смысла этничности и способов ее обоснования, включая в контекст не только параметры конкретной ситуации, но и персональные схемы осмысления действительности – рефлексии. По крайней мере, я так понимаю утверждение автора, что «конструкции этничности могут различаться не только от контекста к контексту, но и в рамках одного контекста – от сообщества к сообществу и от человека к человеку». Этот прием (хотя бы

на концептуальном уровне) позволяет разрешить «классический», по его словам, для этнических исследований вопрос о «ситуативности» этничности. Он подчеркивает, что ситуативна не этничность, как об этом нередко пишут, а контекст, определяющий ассоциативное наполнение этничности, и эта мысль, как мне кажется, важна для понимания его модели. Однако если этничность оказывается рефлексивной, то вполне правомерно ее рассматривать как интерпретацию самого себя и других, подчиняющуюся законам повествования. Фактически через посредство нарративов, выстроенных вокруг бытовых анекдотов и отдельных, иногда малозначимых жизненных деталей, вроде прически или акцента, жадности или щедрости, вкусов и привычек, появляется возможность определять сходство через различия и различия через сходства, обнаруживать разнообразие проявлений этничности, бесконечно варьирующей между тождественностью и инаковостью.

Будь я на месте Варшавера, то ввела бы в предлагаемую дескриптивную модель дополнительное нарративное измерение, связующее внутреннюю этническую категоризацию (оценки), внешнюю дифференциацию и разнообразные контексты (глобальные, локальные, исторические, семейные, биографические, экономические, репутационные и пр.), но это, конечно, остается на его усмотрение. Подчеркну, в такой конструкции, как и в дескриптивной модели автора, нет ничего простого, прежде всего потому, что она предполагает незавершенность и неполноту человеческой личности, иначе незачем рефлексировать. Логично предположить, что следствием отсутствия завершенности становится неопределенность объекта изучения, влекущая за собой «перманентный кризис в исследованиях этничности» – констатация, с которой Варшавер начинает свою статью, и недостаток, который он стремится преодолеть при помощи своей «концептуально ненагруженной», «полевой» и «прозрачной» исследовательской модели. Я не разделяю этого оптимизма и полагаю, что заявка автора на универсальность модели и ее способность служить «связующим звеном между теоретическим осмыслением феномена этничности и разно-дисциплинарными эмпирическими дизайнами», выглядит чрезмерно амбициозно. Тем не менее продвигаемый им междисциплинарный подход является инновационным, многообещающим, эвристичным и, несомненно, вносит важный вклад в решение фундаментальной научной проблемы, связанной с установлением природы и характера этничности, каналов ее трансляции.

В эмпирической части статьи, и это важно особо отметить, автор стремится показать адаптивность предложенной им модели к меняющимся условиям полевых исследований и разнообразию применяемых методов. Это очень интересный раздел как с точки зрения постановки исследовательских задач, так и полученных результатов. К сожалению, ограниченный объем статьи не позволяет составить полное представление о проведенных экспериментах, их чистоте и соответствии концептуальным установкам. Тем не менее достаточно ясно проявляется желание

автора сконцентрировать свое и читательское внимание на коллективных представлениях (типах, стереотипах, характеристиках и атрибутах) и категориях, отражающих и организующих социальные отношения – спонтанные и институционализированные. Этничность в этой системе координат – форма и способ дифференциации социума. Собственно эмпирический раздел текста ориентирован на описание инструментария, позволяющего выявлять механизмы производства этничности, и именно в этом разделе становится понятно, что предлагаемая модель еще далека от «четкости и прозрачности». Да, и сам Варшавер делает оговорку о незавершенности своей работы над исследовательским фреймом. Попробуем, несмотря на неполноту эмпирического материала, декодировать приведенные примеры, держа в голове задумку автора.

Первый пример – это исследование в армянском селе на берегу озера Севан, в ходе которого использовалась привычная этнографическая методика интервьюирования. Лично для меня важно, что она наглядно продемонстрировала нарративную природу конструирования этничности. Фактически через посредство нарратива (автор использует слова истории и анекдоты) информант обретал возможность заявить о себе как о личности и возлагал на себя качества, которые приписывались или могли быть приписаны таким же, как он, людям, т. е. лицам, с которыми он себя идентифицирует. Та же процедура, но уже через противопоставление, осуществлялась и в отношении «других». Наиболее развернуто описан пример армян, которые выстраивали следующие смысловые цепочки: «армянин/ язык/древность/земля/происхождение/особость», в противовес: «курд/фамилия/ женщины-распутны/мужчины-неискренни/дела лучше не иметь», ну и пр. Иначе говоря, мы имеем дело с компенсаторно-охранительной методикой конструирования этничности, веками воспроизводимой в сельской местности и предполагающей в том числе избегание негативных коннотаций в отношении иноэтничных соседей.

Пример Дагестана отражает ситуацию перекодирования этнических категорий под воздействием изменений образа жизни и сдвигов в восприятии. Варшавер относит это исследование к «народной социологии», но, на мой взгляд, оно ближе к проективным методикам социальной психологии, которые позволяют выявлять ценностные ориентиры и мотивы поведения людей через моделирование поведения в воображаемых ситуациях. Этот эксперимент показал, насколько усложняется этническая категоризация и самоидентификация по мере роста числа оснований социальной дифференциации. Фактически в условиях городской жизни и гибридизации всего и вся возникает эффект «множественных реальностей», затрудняющий какие бы то ни было классификации и размывающий самые стройные исследовательские концепции. Сущности умножаются, а результат растворяется в ситуативном контексте. Возникает неприятное подозрение, что модель исследования этничности через коллективные представления плохо работает в городских условиях.

Еще один пример спонтанной этнической категоризации дает использование методики элицитации, пришедшей в антропологию из лингвистики и предполагающей перевод информантом на «свой» язык вербальной и/или невербальной (фото, видео) информации, предлагаемой интервьюером. По идее, данный метод должен минимизировать давление интервьюера на информанта, оставляя ему свободу ретрансляции своего восприятия и понимания считываемой картинки (текста), но судя по описанию эксперимента, достичь желаемого результата удалось не в полной мере, более того, этот результат оказался сложен для интерпретации, сводясь скорее к называнию, а не объяснению. Иными словами, наличие этнической категоризации было с помощью данной методики выявлено, но механизмы конструирования этничности остались «за кадром». Допускаю, что это впечатление неверно и является следствием ограниченности объема статьи, вынуждающего автора жертвовать пояснениями и деталями.

Два других примера связаны с музеями и мигрантами и имеют отношение скорее к символической политике и социокультурному контексту формирования коллективных представлений об этничности, нежели к конструкции этничности как таковой. В данном случае хорошо показано, каким образом работает вещно-мысловый ряд, ориентированный на выработку режима «своей» правды – избирательную репрезентацию истории и культуры, подчеркивание инаковости (отличительности), включения, исключения, определение жертв, героев и в конечном счете фиксацию категории «своих» – от этноса до нации.

В целом статья Варшавера дает обильную пищу для размышлений и в очередной раз заставляет задуматься над тем, что и как мы воображаем, когда речь заходит об этничности, какие ситуации заставляют работать наше воображение и какой тип коллективных представлений (характеристик, атрибутов, знаний) актуализируется при этом, какие каналы восприятия и ретрансляции оказываются наиболее чувствительными к происходящим изменениям и каким инструментарием мы располагаем, чтобы их отслеживать и анализировать. Наконец, какие следствия влекут за собой продвигаемые нами категории и схемы осмысления действительности. Без более глубокого погружения в область когнитивных наук ответить на эти вопросы вряд ли возможно.

За пределами когнитивности (Д.В. Верховцев)

Прежде всего, хочется приветствовать выход статьи, где формулируются новые теоретические конструкции, касающиеся такого чувствительного для РФ исследовательского поля, как «этничность». В этом приветствии акцент на регионе исследования связан прежде всего не с традиционным когда-то делением на «отечественную» и «зарубежную» историографии, где отдельно отсчитывались приоритеты и заслуги, а с уникальностью постсоветской ситуации в

гуманитарных и социальных науках, где этничность остается важным фокусом интереса, применяется как важная исследовательская рамка, является метаязыком взаимодействия науки и органов власти, но в то же время редко рассматривается с точки зрения актуальности концептуального и методологического аппарата по ее изучению.

Постсоветское общество и сейчас еще остается под родовым влиянием советской эпохи, когда административная «национальность» была важнейшей категорией социального структурирования как на государственном, так и на бытовом уровне, а целая дисциплина, этнография, объявляла своим главным предметом изучения «этнос». Хотя постсоветский период истории начался с решительных шагов по демонтажу этого влияния, когда была отменена графа «национальность» в государственных паспортах, а «советская теория этноса» подверглась критике со стороны нового руководителя Института этнологии В.А. Тишкова, этноцентричная оптика продолжает фигурировать в довольно большом количестве русскоязычных публикаций (Верховцев, 2022: 84). При этом, несмотря на фиксируемый большой спрос на методологию исследования этничности, оказывается, что в этой области парадоксальным образом имеется дефицит предложения: упомянутый массив работ об «этносе» продолжает оставаться в рамках советских этнических парадигм, и авторы ссылаются на концепции этничности, созданные в советское время, – теории Ю.В. Бромлея и Л.Н. Гумилёва (Там же: 86). Достаточно много причин, по которым при повышенном постсоветском «этническом интересе» крайне слабо происходит рецепция иных дискурсов этничности, широко дискутируемых в мировой науке; это и инерция научной системы, и все еще высокая автономия русскоязычного кластера исследований. Предпринятая Е. А. Варшавером попытка формулирования на современных научных основаниях модели этничности, и что еще важнее – описание способов ее приложения к прикладной полевой работе, очевидно, давно ожидаемый текст, способный не только сделать вклад в исследования этничности как таковые, но и включить в это поле пока еще сильно автономизированный массив российских исследователей, следующих в кильватере давно окаменевших теорий.

Отмечу, что уже сейчас сформулированная дескриптивная модель изучения этничности вполне самодостаточна и может быть использована в прикладных исследованиях. Ее важной инновацией, особенно полезной в поле, является в том числе концепция «народной социологии этничности», позволяющей скорректировать полученные данные исходя из собственных онтологий информантов. Однако, как любое широкое обобщение, модель содержит ряд редукций. Оставшиеся вне оптики Варшавера факторы, как мне кажется, важны для понимания этнического феномена не меньше включенных в модель элементов, и могут рассматриваться как потенциал для ее развития в будущем.

Сперва хотелось бы сказать о недостаточном внимании к различению внешних этнических категоризаций и самоидентификации человека с какой-либо этнической категорией. В «модели»

акцент делается на внешние категоризации и «коллективные представления», которые интериоризируются и становятся «категорией идентификации». Однако важным фактором этого процесса является его историзм, то есть наслаивание различных слоев интериоризации внешних представлений у отдельных людей и сообществ, что может накапливать целый набор идентификаций, неактуальных для современного социального контекста, и даже вступающего с ним в конфликт. Легко можно найти такие примеры в истории, когда внешняя категоризация не совпадает с самоидентификацией, что породило разделение этнонимов в советской науке на «эндоэтнонимы» и «экзоэтнонимы». Это разделение гораздо примитивнее реальной картины, когда «эндоэтноним» оказывается относительно недавно интериоризированным «экзоэтнонимом» и т. д. Отчасти достаточная степень относительности в данном вопросе вносится разделом «Интериоризация и идентификация, ситуативность и релевантность», однако ключевой все-таки остается позиция, что самоидентификация всегда интериоризирует актуальный социальный контекст, тогда как в действительности идентичность может быть следствием интериоризаций ситуаций прошлого, порой случившихся поколения назад.

Рассмотрение этничности как постоянной категоризации – продуктивный ход, однако содержащий ее редукцию до чисто когнитивного явления. Категоризация, отнесение себя и других к какой-либо категории, это лишь наиболее слабое проявление этничности по своим последствиям, тогда как максимальное внимание этнический вопрос приковывает прежде всего благодаря своим более эффективным проявлениям, таким как этническая солидарность, этническая мобилизация и этнические конфликты. Категоризация как когнитивный процесс маркирует лишь множество линий, разделяющих социальную реальность, и лишь некоторые из них когда-нибудь могут стать границами изменений и действий. Дон Хэндельман рассматривал этническую категорию как самую слабую степень этнического сближения, предшествующую сети, ассоциации и сообществу; по его определению, хотя люди могут относить себя или других к этой категории, это порой не имеет никаких последствий. Хэндельман подчеркивает это цитатой из А. Коэна: «Социологически имеет значение то, как люди действительно поступают, а не то, что они думают, или то, что они думают они думают» (Handelman, 1977: 191). На то, что степень близости может быть различной, указывал и Р. Брубейкер, выделяя «категию» как нечто обладающее общим свойством, «сеть» как наличие отношений между членами и «групповость», связанную с «отчетливо воображенной и сильно чувствуемой общностью» (Брубейкер, 2012: 101).

Собственно, аффективность, о которой пишет Брубейкер и которая проявляется в наивысшей точке сближения людей – группе, – другой важный фактор, который редуцируется при исключительно когнитивном рассмотрении этничности. Э. Смит, критикуя различные концепции нации (связываемые им с понятием модернизма), указывал, что почти все авторы упускают из рассмотрения те сильные чувства, «особые страсть и неистовство», которые зачастую вызывает

нация у своих членов; эти чувства могут вдохновлять на самые радикальные действия, вплоть до самопожертвования (Смит, 2004: 261). Брубейкер, рассматривая, какими терминами должна быть заменена утратившая конкретное значение «идентичность», считает, что «самопонимание никогда не является чисто когнитивным; оно всегда аффективно окрашено или заряжено, и соответствующий термин, безусловно, может вмещать это аффективное измерение. И все-таки эмоциональная динамика действительно лучше схватывается термином “идентификация” (в его психодинамическом смысле)» (Брубейкер, 2012: 97).

Все это, иерархию степеней этнического сближения и связанную с ней нарастающую силу солидарных чувств, можно учесть для более тонкой работы в прикладных исследованиях.

Еще одна ремарка, которую следует сделать относительно представленной Варшавером дескриптивной модели этничности, пожалуй, станет лишь поводом к дальнейшему размышлению, так как вопрос в настоящее время не имеет еще ясного решения. Рабочее определение этничности, как «постоянно осуществляемые категоризации и классификации людей, результаты которых существуют и воспроизводятся в форме коллективных представлений... организующих социальные отношения», исходит из того, что все категоризации людей, организующие социальные отношения, являются этническими. Проблема состоит в том, что даже в «этноориентированных» коллективных представлениях постсоветского пространства, этнические категории – не единственные, организующие социальные отношения, и даже не всегда определяющие. Как отделить этнические категории от других, и есть ли необходимость в такой дифференциации? Предполагая, что «коллективные представления об этничности, распространенные на территории современной Москвы 1000 лет назад и, вероятно, включавшие в себя племенные категории», автор может и не угадать, ведь, как указывал С.В. Соколовский, в прошлом «локальные, сословные, потестарные и конфессиональные идентичности играли куда более важную роль, чем, например, языковые», и тогда будут ли представления о различиях, основанные на одном из перечисленных критериев «представлениями об этничности» (Соколовский, 2012: 82), – вопрос, на который не так легко ответить.

Этничность конструируемая и этничность неосознаваемая (М.С. Каменских)

Статья Евгения Варшавера представляет собой попытку предложить собственный подход для описания феномена этничности. В ней он не придумывает что-то свое локальное, а предлагает теоретические построения с опорой на имеющийся современный зарубежный опыт. Статья не лишена дискуссионных положений и имеет ряд слабых мест, но в их обсуждении состоит суть и принцип научной дискуссии. В своей публикации Варшавер представляет дескриптивную теоретико-методологическую модель, созданную на основании современных конструктивистских подходов и вписанную в совершившийся в гуманитарных науках «когнитивный поворот».

Концепция ближе всего к взглядам Р. Брубекера, на которого автор активно ссылается, но при этом он предлагает собственный взгляд и более детальную схему для проведения полевых исследований, не выходя за рамки конструктивистской парадигмы. Стоит признать, что автор несколько самоуверенно призывает создать «твердую основу» для изучения этничности и «решение» вопроса для ученых, занимающихся полевыми исследованиями, если у тех есть проблемы с пониманием этничности. Нельзя отрицать, что сегодня определение сути этничности и подходов к ее изучению является одной из наиболее сложных точек в современной антропологии. Но можно ли утверждать, что эта проблема волнует сообщество отечественных ученых, ведущих полевые исследования? И в своей работе задаются ли они вопросом, а что же все-таки изучают? Скорее всего, этот вопрос волнует автора, опирающегося на свой опыт. При этом он признает по умолчанию победу конструктивистской парадигмы, а не разделяющих этот тезис называет «неконструктивистами», которые продолжают существовать на «научной периферии». Возможно, с такой оценкой не согласятся многие из тех, кому адресован этот текст.

Сама схема представляется доказательной и вполне логичной. Видно, что автор долго работал над ней. Следуя конструктивистской парадигме, теория Варшавера предлагает спустить изучение этничности до индивидуальных восприятий и отказаться от штампов, которые можно было бы распространять на группы. Этничность конструируется в сознании. Но как можно прокомментировать ситуации, когда культура существует объективно, не осознается индивидом, но фиксируется исследователем. Например, изучая диалекты и речевые особенности в определенной местности, мы не можем не признать, что у каждого человека есть собственные индивидуальные черты в говорении. Но рождение в определенной местности все равно накладывает на него и особенности диалекта, так что ученые изучают уже особенности говорения на территории как некий феномен. Хотя эти речевые особенности не осознаются индивидом. То же можно сказать и о материальной культуре. Позволяет ли теоретический потенциал теории описывать неосознаваемые индивидуально особенности отдельных сообществ и групп?

Сложно не согласиться с автором, что помимо доработок важно начать осуществлять и дальнейшие шаги, состоящие в том, чтобы эта – созданная – этническая переменная была вписана в объяснительные модели. Безусловным плюсом работы являются рекомендации по изучению феномена этничности при проведении интервью, работе в музеях, с мигрантскими сообществами.

При всей логичности теоретических построений Варшавер должен понимать и механизм инкорпорации теории в проводимые полевые исследования. Не совсем понятно, ограничивается ли его подход только изучением представлений респондента о собственной этничности и происхождении, или ее можно применять шире, для изучения всех спектров этнической культуры или проявлений этничности в культуре. Не возникнет ли ситуация, когда «полевик» будет изучать этничность «по Варшаверу», а остальные элементы культуры по традиционной схеме. Вероятней

всего, ему проще будет все изучать по традиционной схеме. В этом, на наш взгляд, кроется главный недостаток предложенной модели. Представляется так, что каждая теоретическая модель должна быть проста и универсальна. Предложенная схема имеет универсальный характер, однако не лишена некой терминологической перегруженности, включающей понятия «категории» и «атрибуты», которые, в свою очередь, делятся на уровни 1 порядка и 2 порядка. При этом кажется, что разница между атрибутами и категориями не всегда качественно ясна. И будет ли такая схема проще в описании, не совсем понятно.

Тем не менее представляется, что предметное обсуждение и инкорпорация теории возможны, когда в сообществе отечественных этнологов будет достигнут полный консенсус относительно этничности как явления и этноса как объекта исследования.

Литература

Брубейкер Р., Купер Ф. (2012). За пределами идентичности // Этничность без групп / пер. Д. Кучерового, А. Семеновой, М. Могильнер. М.: НИУ ВШЭ. С. 61–115.

Верховцев Д.В. (2022). Этнос post-mortem: советские теории этноса в современном русскоязычном дискурсе // Этнографическое обозрение. № 6. С. 79–101.

Смит Э. (2004). Национализм и модернизм. Критический обзор современных теорий наций и национализма. М.: ПраксиС.

Соколовский С.В. (2012). Современный этногенез или политика идентичности? Об идеологии натурализации в современных социальных науках // Этнографическое обозрение. № 2. С. 77–83.

Bail Ch.A. (2008). The Configuration of Symbolic Boundaries against Immigrants in Europe // American Sociological Review. Vol. 73(1). P. 37–59.

Dollmann J., Kogan I., Weißmann M. (2024). When Your Accent Betrays You: The Role of Foreign Accents in School-to-Work Transition of Ethnic Minority Youth in Germany // Journal of Ethnic and Migration Studies. Vol. 50(12). P. 2943–2986.

Handelman D. (1977). The Organization of Ethnicity // Ethnic Groups An International Periodical of Ethnic Studies in Bronx, N.Y. Vol. 1(3). P. 187–200.

Wimmer A., Lewis K. (2010). Beyond and Below Racial Homophily: ERG Models of a Friendship Network Documented on Facebook // American Journal of Sociology. Vol. 116(2). P. 583–642.

Wimmer A., Soehl T. (2014). Blocked Acculturation: Cultural Heterodoxy among Europe's Immigrants // American Journal of Sociology. Vol. 120(1). P. 146–186.

Zuccotti C.V., Platt L. (2023). The Paradoxical Role of Social Class Background in the Educational and Labour Market Outcomes of the Children of Immigrants in the UK // British Journal of Sociology. Vol. 74 (4). P. 1–22.

References

- Brubaker R., Cooper F. (2012). Za prjedelami identichnosti. [Beyond “identity”]. *Etnichnost' bez grupp*. [Ethnicity without groups]: 61–115. Moscow: NRU HSE.
- Verkhovtsev D.V. (2022). Ethnos post-mortem: sovjetskie teorii etnosa v sovremennom russkojazychnom diskurse [Ethnos Post-Mortem: Soviet Theories of Ethnos in Present Day Russian-Language Discourses]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 6: 79–101.
- Smith A. (2004). *Natsionalizm i modernism. Kriticheskii obzor sovremennykh teorii natsii i natsionalizma* [Nationalism and Modernism], Moscow, PraxiS.
- Sokolovski S.V. (2012). Sovremennyi etnogenes ili politika identichnosti? Ob ideologii naturalizatsii v sovremennykh sotsial'nykh naukakh. [Contemporary Ethnogenesis or Identity Politics?: On Naturalization in Social Sciences] *Etnograficheskoye obozreniye*, 2: 77–83.
- Bail Ch.A. (2008). The Configuration of Symbolic Boundaries against Immigrants in Europe. *American Sociological Review*, 73(1): 37–59.
- Dollmann J., Kogan I., Weißmann M. (2024). When Your Accent Betrays You: The Role of Foreign Accents in School-to-Work Transition of Ethnic Minority Youth in Germany. *Journal of Ethnic and Migration Studies*, 50(12): 2943–2986.
- Handelman D. (1977). The Organization of Ethnicity. *Ethnic Groups An International Periodical of Ethnic Studies in Bronx, N.Y.*, 1(3): 187–200.
- Wimmer A., Lewis K. (2010). Beyond and Below Racial Homophily: ERG Models of a Friendship Network Documented on Facebook. *American Journal of Sociology*, 116(2): 583–642.
- Wimmer A., Soehl T. (2014). Blocked Acculturation: Cultural Heterodoxy among Europe's Immigrants. *American Journal of Sociology*, 120(1): 146–186.
- Zuccotti C.V., Platt L. (2023). The Paradoxical Role of Social Class Background in the Educational and Labour Market Outcomes of the Children of Immigrants in the UK. *British Journal of Sociology*, 74(4): 1–22.

Ответ автора дискуссантам (Е.А. Варшавер)

Прежде всего, хочу поблагодарить коллег, принявших участие в дискуссии, за их небольшие тексты «по мотивам» моей статьи. Мне кажется, жанр дискуссии недооценен, а сами дискуссии проводятся сильно реже, чем они того заслуживают. В конечном счете, наука – идет ли речь о тексте или эмпирическом исследовании – это вдумчивый комментарий на работы коллег, и непосредственный обмен текстами в этой связи как будто бы наилучшим образом соответствует этой идее. Я попробую сначала обобщить написанное дискуссантами, выделить основные темы и дать свой комментарий по ним, затем – обратиться к некоторым отдельным тезисам из отзывов и прокомментировать их.

Итак, как следует из отзывов в целом, текст не вызвал идиосинкразии у дискуссантов и, напротив, показался им полезным и «развитийным». Это радостно. Откровенно говоря, перечитав текст перед тем, как готовить свой ответ на комментарии, в теоретической его части я нашел его более сложным, чем было задумано, и в этом смысле я соглашусь с лейтмотивным мнением, которое ярче всего проявилось в тексте О.И. Вендиной, согласно которому построения автора не так просты, как автор задумал (хотя Вендина, по всей видимости, в полной мере не верит в то, что простота была моей искренней интенцией). Сейчас – посмотрев на текст немного снаружи – я действительно соглашаюсь с тем, что совокупная теоретическая конструкция, которая в нем транслируется, непроста. Когнитивный и лингвистический повороты, ASN, сама по себе этничность – сшитые в единое полотно – создают комплексность и сложность. Однако – в той мере, в какой статья фокусируется именно на операционализации и на переходе от теоретически построенных к конкретным эмпирическим исследованиям, я все-таки надеюсь, что эту комплексность мне удалось существенно редуцировать, найдя нужный баланс между простотой схемы, с одной стороны, нетривиальностью сочетания теоретических идей за ней стоящих, с другой, и разнообразием эмпирических случаев и исследуемого мира в целом, с третьей.

Каждый из отзывов в той или иной степени содержит оценку оригинальности, полезности моей программы/модели. Однако, если работающий в Великобритании А.Р. Бессуднов, пишет, что я «... описал современные представления об этничности, которые разделяют большинство социологов и антропологов, работающих в этой области», М.С. Каменских напротив говорит о том, что я «признаю по умолчанию победу конструктивистской парадигмы, а не разделяющих этот тезис называю «неконструктивистами», которые продолжают существовать на «научной периферии» [и что], возможно, с такой оценкой не согласятся многие из исследователей, которым и адресован этот текст». Этот – спонтанно образовавшийся в дискуссии континуум мнений (как минимум описываемых, потому что сам Каменских, как следует из отзыва, тезисы мои в целом разделяет) – кажется мне удачным поводом обозначить свой взгляд на эту проблему, однако, кажется, «сшивает» это мнение прежде всего еще один дискуссант – Д.В. Верховцев, который

пишет о том, что моя статья – это «давно ожидаемый текст, способный не только сделать вклад в исследования этничности как таковые, но и включить в это поле пока ещё сильно автономизированный массив российских исследователей, следующих в кильватере давно окаменевших теорий». О чем пишет Верховцев? Попробую дать и свою интерпретацию такого разброса мнений.

Итак, как мне кажется, у нас на глазах происходит смена научной парадигмы. Это процесс частью постепенный, частью наоборот рваный и конфликтогенный, поскольку наука – это не только про идеи, но и про карьеры. При этом парадигма меняется не только в исследованиях этничности, но и в социальных науках в целом, отчего, пользуясь только лишь инструментами исследований этничности, осознать и отрефлексировать происходящие изменения вряд ли возможно. Именно поэтому большинство дискуссий о примордиализме-конструктивизме «изнутри» исследований этничности оказываются непродуктивны. Вместе с парадигмой меняется и язык описания окружающей действительности. Но, в той степени, в какой и парадигмы, и научные языки не являются однозначно «хорошими» или «плохими», «работающими» или «не работающими», а скорее являются более или менее удобными способами описания реальности под некоторые задачи, говорить об этничности вполне можно и иным, не-конструктивистским, способом. Однако это неудобно и непродуктивно. Например, можно продолжать использовать словосочетание «межэтнический конфликт», но как вписать в имплицитную картину мира, этим словосочетанием предполагаемую, то, что далеко не все люди, как-то идентифицирующие себя с той или иной категорией, в конфликт вовлечены, то, что среди этих людей есть, напротив, сторонники прекращения конфликта и проч. И исследователи, которые годами изучают «межэтнические конфликты», неизбежно понимают всю подобную сложность и даже как-то умеют говорить о ней, однако напоминает это, позволю себе метафору, попытки есть макароны каменным топором. Макароны будут (как минимум частично) съедены, но возможно лежащей рядом металлической вилкой есть их было бы удобнее. И конструктивистские способы описания реальности (включая тот, который я предлагаю) – это как раз и есть более простая, экономичная, продуктивная языковая альтернатива некогда доминировавшим в мировой науке и продолжающим доминировать в науке российской группистским языкам описания этой реальности. Однако – по совокупности причин – конструктивистским способом описания реальности в России пользуются немногие, а переход к нему часто воспринимается в штыки, как элемент западного влияния, и зачастую понимается как насаждение искусственных идентичностей, нарушающих границы естественных общностей. В этом представлении неверно все – и понимание конструктивизма, и понимание природы этничности как таковой. Более того, если как-то сформулировать тезис, образующий фундамент когнитивизированного конструктивизма, выяснится, что вряд ли с ними всерьез можно спорить. Этот тезис прост и

короток. Этническая категория в генах не записана, а является коллективным представлением, передающимся в ходе коммуникации между людьми. Или, если чуть более развернуто, люди категоризируют друг друга, некоторые из используемых категоризаций закрепляются в представлениях, институционализируются и становятся ключом к интерпретации реальности – событий, людей, других явлений. Человек, который разделяет эти простые идеи и оказывается конструктивистом. А все остальное, включая мою статью – это надстройка над этими тезисами, теоретико-методологический комментарий к ним. Другое дело, что с этими – очевидными для человека, социализированного в глобальную социальную науку – тезисами действительно могут не соглашаться, но это уже вопрос более общей социально-гуманитарной образованности и ее проникновения, в том числе в академические круги. Резюмируя – современные социальные науки накопили большое количество ценных представлений, которые были применены и к исследованиям этничности, в результате чего постепенно сложились и конструктивистские принципы исследования в этой объектной области. Однако, и здесь я возвращаюсь к тезису Бессуднова, нельзя говорить о том, что эти принципы – что в российской что в зарубежной науке – часто рефлексированы, а также что осуществляется планомерная работа по их «дистилляции», включению в «индустриальный цикл» научного производства и проч. И если в российских академических аудиториях конструктивизм часто не понимается и неверно интерпретируется, в западных – он существует скорее в виде подспудного, неформализованного знания, нежели четкой и понятной теоретической конструкции. И стоит серьезная задача (о которой пишут цитируемые мной авторы) по его экспликации, пересборке, формализации, а также операционализации применительно к различным полевым исследованиям. И именно такая попытка и производится в моей статье, что делает ее, как мне кажется, инновационной и для российских, и для международных исследований этничности.

Другая тема, которые объединяют как минимум двоих комментирующих – это возможность применения описанных наработок в количественных исследованиях, и, если Е.М. Арутюнова такой вопрос ставит и предлагает ответить на этот вопрос мне, А.Р. Бессуднов посвящает этой теме свой отзыв практически целиком. Готового ответа на этот вопрос у меня нет, поэтому поделюсь своими рассуждениями на этот счет. Прежде всего, действительно, такая проблема есть. Как замечают дискуссанты, сильной стороной описываемого подхода является внимание к «вернакулярным» категориям, то есть тем, которые используют сами исследуемые. Такое внимание объясняется тем, что именно на основании этих категорий они и действуют. В связи с этим, в той мере, в какой, как минимум частично, вернакулярные мироописания организованы вокруг категорий, в том числе этнических, эти категории – в том виде, в каком они производятся и воспроизводятся исследуемыми – и должны быть помещены в фокус исследований. И Бессуднов справедливо отмечает в этой связи две вещи. Во-первых, в исследованиях, которые не заточены

под вопросы этничности и используют вторичные данные, такого не происходит, а используются предустановленные категории, чаще всего воспроизводящие категориальные ряды административной статистики. Во-вторых, даже исследования, которые, казалось бы, непосредственно посвящены вопросам этничности, категориальной детальностью, которая была заложена в исследовательский дизайн на стадии создания инструмента, на этапе анализа данных пренебрегают, и – как в случае упомянутой статьи Виммера и Зоэля – происходит редукция к «большим» категориям, которые самими участниками исследования не используются. Я бы взял еще шире и порассуждал бы о том, что сама по себе необходимость задавать язык, на котором происходит коммуникация между исследователем и исследуемым в количественном подходе (при том, что часто исследователи, в этом подходе работающие, обращаются к чужим данным, то есть, по сути, наблюдают за разговором, который вели не они), существенно ограничивает возможность эксплицировать и принять во внимание спонтанный категориальный ряд исследуемых. Есть, однако, два пути, которые, существуя в рамках количественного подхода, эту проблему хотя бы частично, но решают. Первый путь – это открытые вопросы. И речь идет не только и не столько об определении себя в этнических терминах (в конечном счете, как следует из статьи, категории идентификации – это лишь небольшая часть категориального универсума, в котором существует человек, не говоря о социальных смыслах категорий), сколько об определении других. За время подготовки статьи к публикации – в качестве продолжения наших элицитационных разработок, в рамках большого количественного исследования, которое мы проводим – мы провели следующий эксперимент: мы поместили в онлайн-анкету несколько фотографий реальных людей, а также людей, которых сгенерировал искусственный интеллект под «этнический» запрос (например «создай реалистичную фотографию русской женщины») и – открытым вопросом – попросили респондентов определить национальность человека на фотографии. В специальное «окошко» респонденты вписывали свой ответ и, таким образом, и происходила экспликация элемента спонтанного категориального ряда, который используется респондентом для интерпретации реальности. Затем категории, вписанные респондентами, кодировались, переводились в переменные и включались в количественный анализ. Вопросами для такого анализа могут быть следующие: чем отличаются люди, которые определяют человека на фотографии как еврея, от всех остальных; насколько люди склонны чаще категоризировать стимулы на основании своей категории идентификации и др. В этом опросе использовались и другие визуальные техники призванные исследовать то, как исследуемые реально категоризируют мир. В их рамках респондентам надо было одной фразой ответить на вопрос, что происходит на фотографии некоторого повседневного контекста (стройки, кассы в KFC), а кодировалось то, насколько происходит этнизация фотографии, то есть насколько респондент описывает происходящее посредством этнических категорий, или он использует для описания другие категории, и чем

отличаются респонденты, этнизирующие изображение, от тех, которые его не этнизируют. Второй путь – это обращение к большим данным и компьютерному анализу уже существующих текстов – например, пабликов в социальных сетях или материалов СМИ. Здесь в фокусе вновь оказываются спонтанные этнические категории, которые, однако, окружены так же спонтанно возникшим контекстом, и – в этой связке – они и могут быть изучены. В частности, был задуман, но пока не был реализован анализ динамики распространенности и смыслов этнических категорий в дагестанской периодике начиная с 1920-х годов. Идея за этим стоит следующая: советское администрирование сначала заявило, а затем «оживило» классификацию по национальностям, а постсоветский ее ренессанс последние два десятилетия сменился закатом. И коррелятом этой динамики является частота использования национальных категорий в СМИ. Подобный подход, кроме того, позволяет поработать и с другими, более сложными, гипотезами, которые касаются не самого факта использования категорий для описания реальности, а смыслов, с ними связанных, которые – за счет автоматизированного семантического анализа – могут быть считаны, закодированы и помещены в расчеты в качестве переменных. Это лишь два способа квантификации описанного в статье подхода, и я считаю, что, хотя действительно конструктивизм «начинается» с качественных данных, ими он далеко не заканчивается, однако действительно на данный момент в полной мере конструктивистские количественные дизайны – это редкость, а значит – есть пространство для продуктивной работы.

Еще одной «лейтмотивной» темой стали эмоции или аффективность – в той мере, в какой они важны для понимания этничности, однако в исследовательский фокус попадают реже, чем того заслуживают. Об этом пишет Д.В. Верховцев, обращаясь к Роджерсу Брубекеру и Энтони Смиуту, об этом пишут и Е.М. Арутюнова и О.И. Вендина, отсылая к зарубежной социально-психологической литературе и российским рецепциям конструктивизма и, в частности, к работам Л.М. Дробижевой, сетовавшей на то, что наработки из этой литературы российскими социологами почти не используются. Содержательно по этой теме я могу сказать не очень много. Скорее, с одной стороны, я сам убежден, что без инкорпорации эмоций в объяснение этничности удовлетворительного комплексного ее объяснения не получить, с другой, понимаю, что – в случае моей модели – такую работу только предстоит осуществить. Частично это связано с тем, что для социологии эмоции это периферийная тема, и социологи, в целом, не очень умеют с ней работать. Нужно отметить, однако, что не они одни. Когда-то я написал письмо классика социальной психологии, ученику Гордона Оллпорта и его наследнику в том, что касается теории контакта, Томасу Петтигрю и он – в ответ на мое пространное письмо – ответил лаконично, но определенно: «I am dissatisfied with most stereotype measures because they typically ignore emotion». Содержательно, однако, все сходятся на том, что этничность – это «горячая» тема и без понимания того, почему она такая «горячая», почему именно «по этнической линии» люди нередко готовы

убивать друг друга, при том, что другие социальные категории такие эмоции вызывают сильно реже, можно упустить в этом вопросе что-то важное, если не ключевое. Но что это? Я попробую сначала обозначить, как эмоции могут быть инкорпорированы в мою модель, затем – в совсем базовом и спекулятивном режиме – подумать, как может быть устроена связь между эмоциями и этничностью. В рамках моей модели эмоции оказываются атрибутами категорий, «закрепляются» за ними в качестве стандартной реакции на «этнический» (то есть распознаваемый как связанный с той или иной этнической категорией) стимул. Скажем, если в повседневности некоторый человек узнает в другом человеке чеченца, он «подключает» в такой ситуации не только то, что он знает про чеченцев, но и то, что он в связи с этой категорией чувствует – например страх или интерес. Насколько эти чувства/эмоции можно обобщить под общей категорией «представления» для того, чтобы эмоции были органично включены в схему – об этом нужно думать отдельно. Так же как отдельно нужно думать о том, действительно ли с этничностью плотнее всего связана эмоция именно страха, насколько эта связь не является малообоснованным стереотипом, распространенным в научных кругах, и, если нет, как эта связь устроена. И здесь важно избежать редуccionистских объяснений, например, эволюционных, согласно которым «выжили и дали потомство те, кто боялся чужаков», создав, напротив, междисциплинарное объяснение, в которое были бы инкорпорированы и современные социологические подходы, в частности сетевой, согласно которому связей с представителями категорий идентификации у людей чаще всего больше, чем с представителями других категорий, что связано с более высокой координацией и предсказуемостью, и это, в свою очередь, снижает тревожность и ослабляет страх. Но это не более чем одна из многих идей на эту тему, которые нужно предварительно собрать, проанализировать на основании релевантных эмпирических исследований последнего времени, соединить между собой в непротиворечивое объяснение и инкорпорировать это объяснение в более широкие модели, например, в модель, приведенную в статье. Важно отметить, что – при том, что в психологии на эту тему, предположительно, сделано не мало, мы только в начале этого – интегративного – пути.

Пожалуй, на этих трех темах – простота/сложность (в части формулировки и применения) модели, сопряжение ее с количественными исследованиями и место в ней эмоций/аффектов (а равно как и их роль в воспроизводстве этничности) – общие темы в отзывах заканчивается и далее я бы хотел ответить на некоторые отдельные тезисы. В отзыве О.И.Вендиной я бы хотел прокомментировать тезис, где говорится, что я отказываюсь «от стигматизации каких бы то ни было иных взглядов на этничность как ошибочных, несовременных и пр., предпринимая попытку извлечь из них рациональное зерно, сохраняющее свою ценность для решения исследовательских задач». Я бы не сказал, что это в полной мере так. С одной стороны, действительно, само развитие науки предполагает, что мы строим здание из имеющихся стройматериалов, существует и такое

явление как научная мода. И то, что западные социальные науки говорят на конструктивистском языке, а российские – эссенциализируют этничность и «верят» в этносы – это не достижение каждого конкретного западного ученого, а своего рода условие на входе, которое создает из зарубежных аспирантов конструктивистов, а из российских – эссенциалистов. Более того, как я уже писал выше, и реифицирующие, группистские объяснения – тоже являются объяснениями. И они так или иначе «справляются» с интерпретацией всегда более сложной и разнообразной реальности. Но для большинства задач, которые сейчас решаются в исследованиях этничности, конструктивистские, когнитивизированные интерпретации этнической реальности действительно лучше подходят и не видеть это – это значит не пытаться понять природу изучаемых явлений, а в большей степени думать, например, о сохранении лица перед аспирантами и в принципе перед аудиторией, для которой много лет до того интерпретировал реальность эссенциалистски. И здесь – из любви к науке и истине – вряд ли стоит впадать в релятивизацию и относиться к эссенциализму как к «еще одной» наряду с конструктивизмом легитимной версией реальности. Нет, она хуже, примитивнее, недодуманнее, а если и есть задачи, которые она решает лучше (что тоже не факт) – это не задачи в рамках объяснения этничности. При этом эссенциалистские концепты и представления могут быть успешно «пересказаны» на конструктивистском языке. Скажем, один из важнейших эссенциалистских концептов – этногенез – может быть реинтерпретирован как возникновение соответствующего представления («существуют русские, русские живут в России, к русским относится некоторое множество людей, включая меня») и упрочение его в качестве важного оператора интерпретации реальности для некоторых людей на некоторой территории. Обратное же – пересказ того, что «видит» когнитивизированный конструктивизм, на эссенциалистских языках – крайне затруднено или невозможно. То же с примордиализмом – действительно, с одной стороны, это слово приобрело негативный оттенок и считается, что конструктивисты противостоят примордиалистам. Почему так получилось, это отдельный вопрос, но, если всерьез разобраться с исходными текстами Клиффорда Гирца, выяснится, что научный примордиализм – вполне возможен в конструктивистской парадигме, просто он не про извечность этносов, а про то, насколько этническая категоризация, используемая людьми, устойчива, насколько люди «верят» в эти категории, действуют исходя из них. И так далее.

В отзыве М.С. Каменских я бы хотел прокомментировать важный момент, который часто является «последним бастионом» эссенциализма в представлениях не чуждых конструктивизму исследователей этничности. Прочитую соответствующий фрагмент: «Этничность конструируется в сознании. Но как можно прокомментировать ситуации, когда культура существует объективно, не осознается индивидом, но фиксируется исследователем. Например, изучая диалекты и речевые особенности в определенной местности, мы не можем не признать, что

у каждого человека есть собственные индивидуальные черты в говорении. Но рождение в определенной местности все равно накладывает на него и особенности диалекта, и ученые изучают уже особенности говорения на территории как некий феномен. Хотя эти речевые особенности не осознаются индивидом. То же можно сказать и о материальной культуре. Позволяет ли теоретический потенциал теории описывать неосознаваемые индивидуально особенности отдельных сообществ и групп?» Ответ на поставленный вопрос такой. Этничность и культура – это отдельные переменные, не сводимые одна к другой. Да, культурные различия существуют более или менее объективно, но то, как, мы считаем, они организованы, кто и по каким критериям от кого отличается – это вопрос другой, к «объективным» различиям не сводимый. В конечном счете культура – это адаптация к реальности, и, хотя инструменты адаптации – социальные, их сочетание применительно к каждому человеку индивидуально, а значит каждый человек культурно отличается от другого. «Классическая» же антропология и этнография заставляют нас видеть культуру «этнической», то есть кластеризованной по «этническим группам». В некоторых случаях такое описание соответствует действительности, в некоторых – совершенно нет. Еще раз: культурные различия существуют, но то, как они де-факто кластеризуются и организуются – все это лишь косвенным образом связано с «объективными» культурными различиями. Несколько лет назад меня попросили выступить с докладом на любую тему на «московском армянском» мероприятии. Я вывел на экран «карту ценностей» Рональда Инглхарта, на которой ближайшим соседом Армении был Азербайджан, что значит, что общества этих стран – по тем культурным характеристикам, на основании которых эта карта была создана (традиционные/секулярно-рациональные ценности; ценности выживания/самовыражения) – крайне похожи. Дальше, разумеется, аудитория начала со мной спорить и объяснять, что армяне и азербайджанцы бесконечно различны, но – как минимум по Инглхарту – это не так. И примерно так и устроена динамика «объективной» культуры и конструируемых различий. Для конструирования используется «культурный аргумент», но соотношение между распределением культурных паттернов по людям и тем, какие этнические категории де-факто выделяются и институционализируются, является скорее произвольным. В общем, рекомендации в этой связи состоят в том, чтобы концептуально «отвязать» этничность и культуру друг от друга, в качестве объекта исследования брать не этнические группы, а локации, не создавать исследовательские подразделения на основании этнических категорий и проч. И так и можно победить институционализованный и за счет этого существенно влияющий на наше мировосприятие и на дизайн наших исследований эссенциализм.

В отзыве Д.В. Верховцева я бы хотел обратиться к его тезису про историчность модели, приведенной в статье. Он пишет: «... хотелось бы сказать о, как кажется, недостаточном внимании к различению внешних этнических категоризаций и самоидентификации человека с какой-либо

этнической категорией. В «модели» акцент делается на внешние категоризации и «коллективные представления», которые интериоризируются и становятся «категорией идентификации». Однако, важным фактором этого процесса является его историзм, то есть наслаивание различных слоёв интериоризации внешних представлений у отдельных людей и сообществ, что может накапливать целый набор идентификаций, неактуальных для современного социального контекста, и даже вступающего с ним в конфликт.» Основная идея этого комментария, как я его понял, состоит в том, что фактически используемые этнические категории – это результат interplay категоризаций, которые осуществляются разными людьми применительно к разным людям, при том, что категоризации в предшествующей временной точке, влияют на категоризации в последующих временных точках. В моем пересказе нет «экзоэтнонимов» и «эндоэтнонимов» -- терминов, действительно сильно примитивизирующих и эссенциализирующих вопрос, но в целом все именно так, как пишет Верховцев. Действительно, этнические категории не появляются из пустоты, и каждая из них имеет свою историю, то есть историю употребления в разных контекстах и применительно к разным множествам людей. Однажды – в качестве реакции на появление статьи «русские» в Большой российской энциклопедии за авторством В.А. Тишкова – я, вместе со студентами, которым тогда преподавал, задумался, какой может быть конструктивистская энциклопедическая статья про русских, и мы поняли, что эта статья должна быть прежде всего про этническую категорию – историю ее появления, динамику применения в отношении по-разному очерчиваемых множеств людей, дискуссии, имевшие место в этом отношении и проч. Но здесь – вновь – важно то, что категория не является принадлежностью группы (за отсутствием таковых), а является частью актуального описания окружающей действительности людьми – как теми, которые идентифицируют себя с соответствующей категорией, так и остальными. И категория «русские» должна изучаться на предмет того, как ее использовали и используют в России и за рубежом, люди, идентифицирующие себя как русские и нет. И именно такой ракурс и даст ответ на вопрос о социальном смысле категории «русские». И другой важный комментарий, который следует дать в связи с приведенной цитатой, состоит в том, что, с точки зрения современного социологического конструктивизма, то, что какие-то категории не используются сейчас в, скажем, администрировании или вернакулярном категоризировании, не значит, что они принадлежат только лишь прошлому. В конечном счете, согласно конструктивизму, представления прошлого детерминируют и представления настоящего, и само настоящее, а значит «накопленный» набор идентификаций, которые, тем более, как следует из комментария, вступают с «актуальными» идентификациями в конфликт – это элемент реальности настоящего времени. Действительно, на этот вопрос по-разному может смотреть историк, для которого экскаваций категорий и их применений может быть самоценной, и социолог, для которого – в «базовой настройке» – прошлого нет, но, я полагаю, что хорошая наука об этничности происходит на стыке, и в конечном

счете, история складывания текущей категориальной сетки – это элемент ее социологического объяснения. И моя схема и может быть применена и к прошлому, что значит, что относительно различных временных точек исследователь может попытаться восстановить категории, атрибуты и общие представления, а, кроме того, может (и должна) использовать прошлое как элемент описания настоящего – в той мере, в какой есть гипотеза, что это прошлое настоящее в той или иной степени определяет.

Подходя к концу своего ответа дискуссанта́м и проглядывая написанное перед отправкой, я вынужден констатировать, что многие темы из тех, которые также хотелось бы обсудить, за ограниченностью объема и «вместимости» внимания читателя, основного адресата дискуссии, в мой ответ не вошли. Некоторые вопросы перед тем, как я закончу, все же хотелось бы затронуть. В частности, я подозреваю, что дискуссанты не до конца поняли, что я имею в виду под когнитивизацией конструктивистских исследований. Например, О.И. Вендина пишет о персональных схемах как о пространстве рефлексии, однако, с точки зрения используемого подхода, индивидуальное или когнитивное не равно рефлексивное и – в той мере, в какой человек интерпретирует мир на основании индивидуализированных схем – эта интерпретация может иметь спонтанный, не-рефлексивный характер. Более того, скорее преимущественно такой характер она и имеет. А Д.В. Верховцев пишет, что «...категоризация, отнесения себя и других к какой-либо категории, это лишь наиболее слабое проявление этничности по своим последствиям, тогда как максимальное внимание этнический вопрос приковывает прежде всего благодаря своим более эффектным проявлением, таким как этническая солидарность, этническая мобилизация и этнические конфликты». И здесь я вряд ли могу согласиться – ведь и согласно Брубекеру, и согласно модели, представленной в статье, этничность – это базово когнитивное явление, «овеществленное» восприятие, которое, именно в таком качестве и начинает затем «управлять» социальными отношениями, генерируя солидарности и конфликты. Иными словами, в основании социального лежит когнитивное, и сравнивать их по степени воздействия – бессмысленно. Это, впрочем, значит прежде всего то, что я не был достаточно понятен в описании того, что представляют собой когнитивизированные конструктивистские исследования этничности, а это значит, работа по созданию таких – более прозрачных – описаний должна быть продолжена. Равно как и дискуссии на эту тему, которые – в данном случае – как будто бы действительно приближают нас к пониманию того, какими должны быть современные исследования этничности. А значит – и пониманию этничности как явления. И еще раз спасибо дискуссанта́м за их отзывы!